

Владимир Поселягин

КОМАНДИР КРАСНОЙ АРМИИ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Командир Красной Армии

Владимир Поселягин

Командир Красной Армии

«Издательство АСТ»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Поселягин В. Г.

Командир Красной Армии / В. Г. Поселягин — «Издательство АСТ», — (Командир Красной Армии)

ISBN 978-5-17-096322-5

Многие командиры терялись в первые дни войны, но бойцы недавно сформированной зенитной батареи ПВО-ПТО были уверены в своем лейтенанте Фролове на все сто. Никто из них не знал, что их командир на самом деле попаданец из будущего Виталий Мишин. И вот батарея под командованием попаданца уходит на прорыв.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-096322-5

© Поселягин В. Г.
© Издательство АСТ

Владимир Поселягин

Командир Красной Армии

Оформление обложки Владимира Гуркова

© Владимир Поселягин, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

– Мишин! У нас вылет! Живо в машину! – заорал командир нашего экипажа капитан Ермолов, высовываясь из УАЗа-«буханки».

Отбив удар ножом, я оттолкнул руками спарринг-партнера, уводя взмах клинка в сторону, показал ему на машину и, подхватив автомат из импровизированной стойки, рванул к «уазику».

Санька Белкин после контузии плохо слышал, так что нужно было говорить очень громко или просто показывать, чтобы он понял. Контузия – это, конечно, плохо, но для меня хорошо. Где я еще найду такого спеца по рукопашке и ножевому бою? Сам я тоже не плох, но то, что показывал и чему научил за эту неделю Санька, быстро спустило меня с облаков на землю. Чтобы достигнуть таких впечатляющих результатов, мне нужно тренироваться с ним не неделю, а полгода минимум. Ничего, основное он мне показал, осталось только довести движения до автоматизма. Как сказал один мастер рукопашного боя: «Ученик знает пять приемов, доведенных до автоматизма, но он ученик. Молодой воин – десять приемов, он хороший воин. Опытный знает пятнадцать приемов, доведенных до совершенства. Мастер – около тридцати, он считается непобедимым, но нет предела совершенству».

Я владел одиннадцатью приемами рукопашного боя, за четыре года доведенными до идеального состояния, и разучивал еще три. На ножах я оказался не так хорош, середняк, но теперь знал, чему надо учиться, и, думаю, до дембеля подниму умение на приличный уровень. Хотя бы руку набью. Так что был я крепким середнячком, не более.

Запрыгнув в машину, я быстро осмотрелся. Штурман и второй бортстрелок тоже были тут. Борттехника Палыча в машине не было, скорее всего, он уже у вертолета. Впятером мы составляли экипаж машины боевой. Проще говоря, на своем Ми-8 мы обеспечивали доставку боеприпасов, эвакуацию раненых бойцов спецназа и многое другое. Бортстрелки, конечно, на транспортниках не положены, но все вертушки нашего полка летали с ними. В их числе был и я. Почти два года назад, когда только я попал в этот вертолетный полк, к нам с Игорем подошел молодой офицер в звании старшего лейтенанта.

В то время в качестве бортстрелков практиковалось использовать находящихся на отдыхе спецназовцев или легкораненых солдат-десантников из расположенного рядом госпиталя, где они проходили долечивание. Постоянных не было. Вот одному командиру и пришла в голову мысль взять срочников и обучить их всему, чему надо. Тут и полное взаимодействие, и нарабатываемые со временем навыки, и большой срок совместной службы. Надо сказать, что тот вертолетчик не прогадал и его примеру стали следовать другие экипажи. Но это сейчас, а в тот момент этот самый офицер с интересом рассматривал нас, выбирая будущих стрелков.

Мы тогда стояли у здания штаба, ожидая распределения по подразделениям. Хотя какие для нас подразделения? Готовили нас как бойцов охраны, вот и должны мы были пополнить состав охранной роты аэродрома.

Поэтому все семнадцать человек с интересом посмотрели на подошедшего вертолетчика.

Я не знаю, почему из всех он выбрал нас с Игорем, но с тех пор я хоть и числился в роте охраны, но даже своего ротного командира видел только мельком.

За месяц нас так натаскали в пулеметном деле, что только держись. Нет, конечно, асами мы за это короткое время не стали, но уже кое-что умели. С тех пор и летали в экипаже сперва старшего лейтенанта, потом уже и капитана Ермолова. Были разные случаи, война все-таки, нас один раз даже сбили, пришлось пехом отрываться от преследовавших боевиков. Хлебнули мы тогда, ладно хоть ранениями обошлись, без погибших.

История моя достаточно проста. В восемнадцать лет я поступил в Рязанскую «дурку», но проучился в ней всего два года – была там одна темная история с дочерью начштаба. Поэтому пришлось быстро собирать вещи и сваливать. В родном городе с помощью знакомого военкома я укрывался в армии. Становиться отцом чужого ребенка мне не хотелось. Так я новоиспеченным сержантом и оказался в вертолетном полку.

За два года службы в Чечне я из салабона превратился в пулеметчика экстра-класса и дослужился до старшего сержанта. Но не это главное: до дембеля оставалось всего шесть недель, и – здравствуй, летное училище!!!

Конечно, срок службы при ведении боевых действий сокращался с двух лет до года, но это во время войны, сейчас же, по словам правительства, в Чечне было все мирно. Поэтому срок службы у нас шел один к одному.

– Что случилось? – крикнул я штурману (шумоизоляции в машине не было, поэтому приходилось надирать горло). Мы в это время как раз вырулили из военгородка и попылили к полосе, где стоял наш полк.

– Наших зажали, нужна эвакуация!

Игорек знал, куда и зачем мы летим, поэтому молчал, отсвечивая выспавшимся и отдохнувшим лицом. У него не было привычки тратить все свободное время на свое физическое усовершенствование. В отличие от него, я это глупостью не считал и за эти четыре года из салабона, которого соплей можно перебить, превратился в «хищного зверя». Мне так наша повариха прошептала на ухо. Может, приятное хотела сделать, но в спаррингах бойцы спецназа, которые часто квартировали на территории нашего полка, были мне вровень, а один раз в увольнительной я схлестнулся с двумя морпехами и, к своему удивлению, вырубил обоих. Сейчас уже не помню, из-за чего мы сцепились, но свой уровень оценил. Парни были трезвы и готовы к драке.

– Одни идем или с прикрытием? – спросил я, мельком посмотрев на «Грачи» – четыре из них механики готовили к полету.

– С Соловьевым. В прикрытии две вертушки, – кивнул штурман.

Я скривился. Если у духов есть ПЗРК, то нам и вертушки не помогут. Увидев мою мимику, штурман крикнул:

– «Сушки» еще будут. Кстати, наши за перевалом.

– За перевалом? Какого хрена они там делают?! Этот перевал уже год как в лапах у боевиков!

В ответ он только пожал плечами.

Сердце сжало от недобрых предчувствий. Шансы вернуться пятьдесят на пятьдесят. Теперь понятно, почему командир такой нервный, а остальные бледные. Оставалось только выругаться, что я и сделал.

Через минуту «уазик» затормозил у борта нашего вертолета, где двое оружейников снаряжали пусковые установки НУРСами.

Мы быстро заняли свои места. Проверая, как ходит ствол ПКМа в окошке блистера, я посмотрел на командира. Похоже, он получил разрешение. Палыч снаряжал АГС, что стоял у дверного проема. Через секунду загудели двигатели, еще через некоторое время дрогнули и начали вращаться лопасти винтов. Чуть в стороне готовилась к взлету машина Соловьева, в бойницу я видел ствол пулемета Валерки Варламова – он, как и Игорек, был правобортным стрелком. Я – левобортным, всегда. Дело привычки, работать с правого борта мне будет

заметно тяжелее. В отличие от экипажа Соловьева, наш экипаж считался счастливым. И действительно, за два года ни одной потери, не считая легких ран. У капитана Соловьева стрелки менялись довольно часто – кто выбывал насовсем, кто в госпиталь. А по телевизору говорят, что тут все спокойно.

Через секунду наш «Мишка» оторвался от бетона аэродрома и, натужно ревя перетруженными турбинами, пошел на взлет. Машина Соловьева последовала за нами. «Крокодилы» должны были присоединиться позже – так часто бывало, обычная практика.

Через полчаса к нам присоединились Ми-24 и пошли вперед, расчищать дорогу.

– Наблюдаю дымы, – сообщил Игорь в микрофон.

– Вижу, – ответил я коротко, пристально рассматривая приближающееся поле нашей деятельности...

Очнулся я как будто от толчка. Резко открыв глаза, судорожно вздохнул и осмотрелся, привычно ища рядом оружие.

Увиденное меня изумило: над головой шелестела листва березы.

«Какие, на хрен, березы в горах?» – это была первая мысль. Рывком сев, я бегло оглядел себя.

Мало того, что оказался в лесу, так еще и полностью голый. Состояние – как после слишком долгого сна. Вроде и выспался, но голова чужунная.

С трудом встав сперва на колени, потом, громко хрустнув сучком, на ноги, я покачнулся, схватился за ствол березы и осмотрелся уже более осознанно. Болело тело после лежания на земле, все-таки не на перине лежал.

«Так, что мы имеем? Судя по положению солнца, сейчас середина дня. Нахожусь я в лесу, причем ни с одной стороны просвета не видать, хотя вроде левее что-то темнеет, навряд ли малинника. Судя по деревьям, я где-то в средней полосе России. Что помню последним? Мы погибли... это сто процентов».

Прищурившись, я стал вспоминать наш последний вылет. Как экипаж подхватил меня со спортплощадки, вертолет, взлет и маршрут в горы. При подлете – дымы и трассеры во все стороны на месте боя. Вспомнил, как «крокодилы» обрабатывали подсвеченные спецназом цели. Как мы, пройдясь НУРСами, пошли на посадку и стали принимать раненых. Взлет. Потом попадание в борт из ПЗРК. Видел, как падает Игорь, нашпигованный осколками. Потом попадание в пылающий вертолет из обычного гранатомета, потом еще – и мы падаем. Жесткая посадка, вернее, падение на скалы и начавшийся пожар из-за разлившегося топлива. Не обращая внимания на шевелившихся под ногами раненых, я длинными очередями бил по мелькавшим между скалами боевикам. Палыч раз за разом выпускал гранаты, ставя стену из разрывов и осколков. Как только «улитка» опустела, он подхватил одного из раненых и попытался вылезти в покореженный дверной проем, но упал, получив очередь в грудь. Помню, как орал, продолжая выпускать остатки боезапаса, когда загорелись ноги и тело, потом взрыв... это все.

Я стоял и тряс головой, приходя в себя.

Игорек был большим любителем историй про попаданцев, посадил и меня, так что никаких рефлексий у меня не было. Этих книг под нашими койками скопилось великое множество, штук семьдесят точно. Короче, сколько их выпустили, все были у нас. Сам Игорь увлекался периодом ВОВ и РЯВ, тогда как я – в основном мирами магии и меча, хотя и военную тематику почитывал. Таким докой, как Игорь, не был, но тему знал. Так что уже осознал, что куда-то попал. Другого объяснения не было. Я был человеком довольно спокойным, и вывести меня из равновесия – это постараться надо, поэтому рефлексий от меня ожидать трудно.

В чужом теле я не оказался. Как было оно моим, так и осталось. Себя я тоже помнил. Виталий Мишин, через три недели мне должно было исполниться двадцать два года, старший

сержант отдельной охранной роты десантного полка. Готовился поступать в летное училище, многие офицеры нашего и не нашего полков помогали мне подготовиться, чтобы я не уронил чести части при поступлении. Сирота, воспитанник детского дома в Санкт-Петербурге. В общем, все про себя помню.

Наверное, я с час так стоял, анализируя последние события, когда краем уха расслышал звонкие голоса и хруст сухих веток под чьими-то ногами.

Спрятавшись за дерево, стал всматриваться в сторону, откуда доносился шум. Видимость была едва ли метров двадцать. Так что пришлось прождать минут пять, пока между деревьями не замелькали две неспешно идущие фигуры.

Это оказались девчонки лет по двенадцать-тринадцать, с заметно тяжелыми корзинами в руках. Самое интересное – красные платки на шеях.

– Пионерки, что ли? – пробормотал я, рассматривая их несколько допотопные платица, платки и босые ноги. В отличие от них, я не был привычен ходить босиком, и это мне доставляло некоторое неудобство.

– А-а-а! – раздался визг, когда я вышел из-за дерева. Побросав корзинки, девчушки сломя голову рванули куда-то в глубь леса.

– М-да, наверное, не стоило показываться им голышом. Да, надо было просто проследить, куда они шли, – пробормотал я себе под нос и, кинув последний взгляд в сторону удравших девчонок, подошел к корзинам.

Естественно, никуда бежать я не собирался. Сперва следовало произвести разведку и понять, где нахожусь. Вернее, в каком времени. Наряд девочек убедил, что я не в привычном мне две тысячи седьмом. И одна дивчина в современном мире так не оденется.

Присев на корточки у ближайшей корзины, стянул с нее тряпку. Как я и думал, внутри лежала провизия.

– Надеюсь, они не обидятся, сами ведь бросили.

Остаться тут мне не хотелось, кто его знает, где я. Поэтому, подхватив обе корзины, быстрым шагом, изредка ойкая, когда наступал на острый сучок, направился в глубь леса. Короче, в ту сторону, куда садилось солнце. Противоположную той, куда девчонки шли и куда убежали.

Шел долго, почти час, пока впереди не появился просвет между деревьями, явно указывающий на приближение опушки. Желудок уже давно бурчал, намекая, что пора подкрепиться, но я старался уйти как можно дальше, поэтому особо на него внимания не обращал.

Поставив обе корзины под дуб, я осторожно двинулся на разведку.

Впереди действительно оказалась опушка. Выйдя из-под деревьев, я осторожно продрался через высокий кустарник, исцарапав руки, бока и ноги, и выбрался на дорогу, почесывая царапины.

– И что мы видим? – пробормотал я себе под нос, присаживаясь у ближайшей колеи.

Двухминутное изучение вьющейся у опушки дороги дало понять, что тут проезжали не только телеги, но и машины. В пыли отчетливо отпечатались рисунок протектора. Причем на удивление узкого, как у мотоцикла, но, судя по ширине колеи, все-таки не мотоциклетного.

Встав, я посмотрел сперва в одну сторону, потом в другую. На дороге было пусто, впереди раскинулось поле, засеянное молодой пшеницей. Еще зеленой, хотя и уже высокой. Выходило, сейчас примерно начало лета. По посевам я не то чтобы спец, но приходилось выезжать в поля. Наш директор был тесно знаком с одним председателем колхоза, отчего детдомовцы частенько все лето проводили в этом колхозе. Но зато зимой было что кушать. Я знал, что не всем детдомовцам нравилось в деревне, но мне там было интересно, поэтому выезжал я на посевные и уборочные с удовольствием.

Тягуче сплунув на пыльную дорогу, я вернулся к корзинам. Подхватив их, приблизился к опушке и, устроившись в густых кустах, стал готовить поляну. Стянув с обеих корзин куски ткани, один подстелил под задницу, а другой использовал как скатерть.

– Тэк-с, посмотрим, что там есть.

При первом заглядывании я только и рассмотрел бутылку в одной из корзин да несколько яиц, сейчас же, выкладывая снедь, прикидывал, что съесть сразу, что оставить на потом.

В корзинах была традиционная крестьянская еда: по бутылке с молоком, по краюхе хлеба, завернутых в грубую холстину, сало. В одной простое соленое, в другой копченое. Еще яйца, пара пирожков с картошкой, перья зеленого лука, соль в маленьких пакетиках, по головке лука, немного чеснока. В общем, обычная и простая еда. Помидоров и огурцов не было.

Вставала проблема с ножом, его в корзинах не оказалось. Видимо, те, кому несли снедь девчушки, имели свои тесаки. А как мне быть? Вздохнув, я завернул сало обратно и стал, отламывая куски хлеба, запивать их молоком из бутылки.

Я уже почти закончил трапезу, когда услышал перестук копыт и скрип телеги.

Быстро пригнувшись, хотя с дороги меня заметить было невозможно, я отставил бутылку в сторону, снова заткнул ее кукурузной кочерыжкой, положил остатки хлеба обратно в корзину и, стараясь не шуметь, скользнул к дороге.

Осторожно выглянув из-под куста, присмотрелся.

– Все-таки наш мир, – вздохнул я, видя впереди крах своих надежд. По дороге действительно ехала телега, причем управлял лошадей каурой масти самый настоящий старинный милиционер. В смысле, в старинной форме. Он был в синих галифе, в начищенных сапогах, в белой гимнастерке с четырьмя треугольниками в петлицах. Так называемая старшинская «пила», я знал, что это было за звание. На кожаном поясе виднелась застегнутая кобура коричневого цвета. Про фуражку с красной звездой уже и не говорю.

А вот его спутницы оказались теми самими дарительницами продовольствия. Поглаживая одной рукой роскошные, тронутые сединой усы, а другой держа вожжи, старшина слушал щебечущих о чем-то девчонок.

«Наверняка про меня рассказывают», – хмыкнул я и, как только они скрылись за ближайшим поворотом, вернулся на место. Быстро собравшись, сложил все в одну корзину. Места хватало.

Подхватив корзину за ручки, я, морщась от боли в ногах, вышел на дорогу – идти по лесу уже не мог, подошвы горели – и зашагал в сторону, противоположную той, куда уехала телега. Если что, успею нырнуть в кусты.

Шагая по дороге, я размышлял: ««Пила» старшинская была до сорок третьего, соответственно время от начала тридцатых до сорок третьего. М-да, попал... Ладно. Узнаю, где я точно, там определимся», – после некоторого колебания решил я и зашагал уже бодрее. Через пару минут, приняв новую информацию, даже стал весело насвистывать – не так уж и плохо, что я попал в прошлое. Главное, жив ведь!

За час, что я шлепал по пыльной дороге под жаркими лучами солнца, мимо меня дважды проскакали верховые, трижды проехали телеги. Один раз, подвывая мотором и коробкой, проскочил легковой автомобиль. Он был похож на тот, из мультика с Фунтиком, только черный. Короче, «каблук» недоделанный. Кстати, след протектора, что я видел ранее, явно принадлежал ему.

Каждый раз, когда появлялись люди, я успевал спрятаться в кустах, так что меня никто не заметил. Наконец я вышел к тому месту, где лес заканчивался. Поднявшись на холм и укрывшись за орешником, стал рассматривать поселение, что находилось в низине. С холма было видно на много километров вокруг. Внизу километрах в трех была деревня, хотя, может быть, и село – я рассмотрел церковь из красного кирпича. Крупная она для деревни. Еще было видно

множество озер, изумрудную траву, точками выделялись пасущиеся коровы и лошади. Километрах в десяти, а то, может, и больше, у высоких холмов с пятнами известняка внизу была видна тонкая нитка реки.

– солома на крышах почти везде. Блин, какой год? – пробормотал я.

Я присидел в кустах часа четыре, ожидая, пока стемнеет – днем голышом не выйдешь в открытое поле, люди не поймут. Передник я, конечно, из одной тряпки сделал, но он вряд ли поможет. За час до темноты со стороны дороги, что осталась метрах в сорока в стороне, снова послышались перестук копыт и скрип телеги, причем знакомый. В этот раз вместе с милиционером ехали не только девчонки, но и четыре мужика – один с окладистой бородой, другой, помоложе, с чистым лицом и два пацана лет семнадцати. Судя по косам, они занимались заготовкой сена. Время было уже вечернее, вот и возвращались домой после работы.

Проводив их взглядом, пока телега с пассажирами не превратилась в маленькую едва ползущую точку, я вернулся к ужину, пытаясь отгрызть кусок копченого сала. Кстати, изучение картины впереди я совместил с ужином.

Тщательно пережевывая пищу, я размышлял: «Что мы имеем? Год, скорее всего, ближе к сорок первому, чем к тридцатым. Почему я так думаю? Да потому что по закону жанра все попаданцы оказываются именно в сорок первом, в начале войны, где-то у границы. Соответственно я где-то на Украине или в Беларуси. К людям лучше не выходить, местные уже знают о голом парне, так что надо свалить к тем холмам, где речка пробегает, переплыть на другую сторону, там уже видно будет. Но идти лучше ночью или так, чтобы меня не увидели. Определяюсь, где я и в каком точно времени, тогда видно будет, можно уже и решение о легализации принять. Кричать, как другие попаданцы, что я из будущего, ведите к Сталину, не для меня. Запрут еще в четырех стенах. С них станется. Нет, в чем я уверен на сто процентов, так это что к правительству не пойду. Если что, чтобы совесть не мучила, можно записки им отправлять, чтобы катастроф не было. Если, конечно, попал в сорок первый, но никак не лично... И еще шифроваться. Кстати, загар у меня не местный. Хотя об этом времени я еще почти ничего не знаю, могу опалиться на мелочах, значит, нужно постоянно контролировать себя и наблюдать за людьми, перенимая их привычки. Если что скажу не так, то можно соврать, что я с недавно освобожденных западных территорий. Например, с города Владимир-Волынска...»

Убрав остатки продовольствия обратно – там еще на пару раз хватит – я посмотрел в сторону заходящего солнца и группы женщин, что шли к поселку. Они вырулили откуда-то сбоку, из-за небольшого леска. Я могу ошибиться, все-таки далеко, но кажется, там виднелась крыша какого-то строения, скорее всего, коровника или свинарника. В это же время по той дороге, что я шел, гремя звонком, с холма скатились два велосипедиста, молодые парень и девушка. Не доехав до стайки женщин, они свернули на боковую дорогу, за которой была видна гладь небольшого озера.

– Исккупаться решили, – пробормотал я и тут же вскинулся: – А что если поживиться там? Вдруг повезет?

Укрывшись за кустами, я прошел по склону и стал быстро спускаться. Издалека понять, что я без одежды, вряд ли получится, да к тому же я закрывался корзиной. Пробежав по открытому полю до невысоких деревьев, что скрывали водоем, затаился. Другой возможности быстро достигнуть озера не было, только так, несмотря на опасность обнаружения. В случае появления кого-нибудь на дороге я готов был нырнуть в высокую траву, но повезло.

Обойдя озеро, я вышел на другую сторону, когда наконец заметил купающихся. Судя по поведению, они были семейными. Кто еще станет целоваться в воде?

Меня они не видели, но я чуть не наткнулся на двух мальчишек, что шли от этого озера, неся в руках ведра и удочки. Видимо, их прогнали купающиеся. Благополучно обойдя детей, я вышел к глубокому оврагу со стоячей водой, по берегу которого пробегала тропинка. Зре-

ние меня не подвело, именно отсюда пару раз сверкнула блестящая колесная спица одного из великов.

Старинные, непривычного вида велосипеды стояли прислоненными к крутому склону. У самых колес, едва не захлестывая тропинку, плескалась вода.

На руле и раме крайнего велосипеда (они были прислонены друг к другу) висела одежда обоих велосипедистов. Идея, что пришла мне на ум, сперва показалась бредовой. Но пару секунд обдумав ее, я довольно улыбнулся и по крутому склону как можно тише скатился вниз, порезав зад об острую траву.

Схватив с рамы штаны и рубаху, я отложил их в сторону, после чего прошелся по карманам пиджака. Кроме восемнадцати рублей бумажками (забавные, кстати, с красноармейцами и моряками, был и Ленин), прибрал и мелочь. Нашелся и документ, то есть паспорт, который доказывал, что купающийся – Андрей Пермяков, пятнадцатого года рождения, является жителем села Алексеевское, что в Татарской АССР. Женат он на Прасковье Пермяковой, видимо, с ней и купался.

Дальше я поступил просто: взял и осторожно повалил велосипеды набок, в воду. А чтобы не шумели, я их придерживал. Туда же последовали платье, кепка и пиджак. Обувь осталась на тропинке, тут уж под форс-мажор не сделаешь. Девушка была босиком. Убедившись, что следов нет, быстро ссыпал деньги в карман брюк, увязал штаны с рубашкой в тюк и рванул в сторону кустов, бросив последний взгляд на одиноко торчащее из воды колесо. Глубина тут оказалась приличной.

Со стороны, по моему мнению, должно казаться, что велосипеды упали в воду, притопив одежду. Часть они, конечно, найдут, но далеко не все. Если не поверят в падение, то могут подумать на мальчишек – от озера те удалялись не сказать чтобы радостные.

Отойдя метров на сто, на другую сторону озера, я достал из корзины штаны и надел их. Брюки оказались слишком короткие, чтобы вот так просто их носить. Подумав, подвернул штанины чуть выше колен и, нацепив рубаху, стал похож на сельчанина. Только широкополой шляпы не хватало.

Найдя укромное место, я стал ожидать, когда совсем стемнеет. С другой стороны донесся мат, потом стих. Пару раз тренькнул велосипедный звонок, и по косоугру, подсвечиваемому заходящим солнцем, проехали два велосипедиста. Если девушка была в платье и широкополой шляпе, то парень ехал в нижнем белье, в котором купался, и в кепке, пиджак был закреплен на багажнике.

Прикрыв глаза, я снова задумался: появилась информация, и ее нужно было осмыслить.

«Судя по штампу в паспорте, Андрей демобилизовался в мае сорок первого года. Значит, я не ошибся, сейчас именно сорок первый, только точная дата не известна. Нахожусь я не у границы, как предполагалось, а вообще в центре России, в Татарстане или, как он сейчас называется, Татарской АССР. Что делать будем? Думаю, выход один, нужно добраться до железнодорожного вокзала и валить ближе к западной границе. Там легализоваться будет проще, прикнув к одной из воинских частей, благо пулеметчик я первоклассный, хоть и не знаю местные системы вооружения. Где тут ближайшие вокзалы? А хрен его знает, я, кроме как то, что столица Татарии – Казань, больше ничего и не знаю. Ладно, планы пока менять не будем. Идем до тех холмов, переплываем речку, там уже проще будет. Не свяжут голого мужика и пропавшую одежду, не должны... А, уже стемнело. Значит, пора».

Теперь мне не было нужды использовать тряпки с корзин вместо передника, поэтому из обоих лоскутов я слепил некоторое подобие обуви – хоть немного уберегу израненные и саднящие подошвы.

С расстоянием я ошибся. Мало того что пришлось пересечь не одну, а две маленькие речки, благо мосты на пути были, так еще и обходить деревню. За ней дороги уже не было. Скорее тропинка, вьющаяся рядом с протоками. Где-то к двум часам ночи я наконец вышел к

широкой реке. По примерным прикидкам, до другого берега было километра полтора, никак не меньше.

За все время ночного пути мне дважды встречались полуночники. В первый раз трое подвыпивших парней, что горланили песню, шагая в направлении Алексеевска. Другой раз полусонный всадник, проехавший в ту же сторону. Но все это было до одиннадцати ночи. Поэтому я удивился, заметив где-то в два часа пополуночи на берегу реки костер, да и темная масса у берега тоже озадачивала. При приближении все прояснилось. Темная масса оказалась плотом, причем длинным – видимо, лес сплавляли – а у костерка отдыхали плотовщики. Или как их там?

Обойдя их стороной, я, шурша камышом, спустился к воде. Мне кровь из носу, но до рассвета нужно было оказаться на том берегу. Можно было, конечно, отправиться вплавь, нарвав камыша и сделав плотик для одежды, но надо отдать мне должное – хорошенько подумав, сообразил, что у деревенских где-то тут должны быть лодки, не зря же сюда бежала тропинка.

Я не обманулся: на галечной косе лежали несколько деревянных лодок, правда, все без весел.

Быстро отвязав одну, смотал веревку, убрал в корзину и стал руками грести к противоположному берегу. Через час, отплыв метров на сто, все проклял. Я так два дня буду переплывать эту речку!

Стянув одежду и чуни, скользнул в прохладную, но не ледяную воду и стал толкать лодку к противоположному берегу. К этому времени меня уже заметно снесло. Даже появился огонек на пристани – видимо, там была еще одна деревня.

За час я все же одолел реку и, достав вещи и сложив их на сухом месте, столкнул лодку обратно в воду. Если найдут, подумают, что отвязалась. Хотя там она наполовину была вытасцена на берег...

Подсохнув, натянул одежду и намотал на ноги немного изодравшиеся тряпки. Пляж здесь был узкий, ограничен высоким обрывистым склоном, подняться по которому вряд ли получилось бы даже днем. Оставалось только двигаться в сторону близкой пристани, огни которой я видел при переправе.

При приближении я понял, что не ошибся, тут действительно была пристань, даже небольшой паром стоял у пирса.

Вздохнув, я подошел ближе и, выйдя на тропинку, зашагал наверх, собираясь пройти деревушку по окраине и дальше уже выйти на дорогу.

– Анюта, пароход на Казань уже пришел? – вдруг услышал я женский крик от близкого дома.

– Тьфу на ты, Малена, напугала. Не было, через полчаса будет, я спускалась к Матвейчу, он сказал, что уже гудок слышал.

– Тады я собираться.

Скрипнула оконная рама, и все стихло. Только было слышно удаляющиеся шаги Анюты.

Я наконец нормально задышал и встал с корточек – рубаха у меня была светлая, в темноте издалека видная.

«Шанс? Так, поразмыслим. Пароход придет в ночи, то есть рассмотреть меня особо подробно не смогут. Но что с документами, будут тут спрашивать или нет? А денег хватит? Я же не знаю расценки местные. Ой, чую, авантюра это. Вид у меня, конечно, так себе, но ладно... рискнем».

Приблизившись к пристани, я понял, что шансы попасть на пароход катастрофически малы – рядом с плотным мужчиной в тужурке, видимо, тем самым Матвейчем, стоял милиционер. На белой гимнастерке отчетливо выделялись пояс и кобура. Это был не тот старшина, которого я видел, тот худощавый, а этот здоровый такой.

Осторожно отступив обратно в ночную темень, я стал быстро подниматься по тропинке. Лучше уж пешком доберусь до Казани. Зато если не попаду на пароход, то увижу, в какую сторону он идет, и направлюсь туда же. Дальше уже можно будет спрашивать, не привлекая к себе особого внимания.

Присев на землю, я смотрел на деревню и темные воды реки. Только тусклое пятно света под фонарем показывало, что некоторые не спят. Луна неплохо освещала ночную землю, поэтому, чтобы не выдать себя, я снял рубаху – тело не так бликует – и убрал ее в корзину.

Ожидание долго не продлилось, послышался перестук двигателя, и из-за мыса показался освещенный пароход, пару раз басовито сообщив о своем приближении гудком. Это действительно был *пароход*. Сперва мне показалось, что глаза меня обманывают, но присмотревшись, понял, что судно на самом деле движется с помощью двух огромных колес по бокам.

На пристани засуетился народ, но дальше я уже не смотрел, и так понятно, куда судно пойдет. Встав и отряхнув штанины, вышел на укатанную дорогу и зашагал по ней. Рассветет примерно через час, поэтому я хотел пройти как можно дальше, чтобы расстояние от Алексеевска было как можно больше. Ничего, этот день выдержу, выплыву в следующую ночь.

Шагал я часа два. Когда появлялись верховые, успевал спрятаться, так что пока меня никто не обнаружил. Где-то часам к десяти заметил легкую пыль и рассмотрел телегу с двумя седоками.

Ноги к этому времени сбил в кровь, поэтому решил попроситься в попутчики. Может, доедут только до ближайшего поворота, но хоть ноги отдохнут. Приняв такое решение, я присел на обочине и стянул тряпки с ног и протер их.

Посмотрев на пятна крови на материи, вздохнул, смотал лоскуты и убрал их в корзину, вдруг еще пригодятся.

Телега подкатила где-то минут через десять. Встав, я спросил:

– Попутчиков не берете?

– Отчего же не взять? – ответил возница. – Сидай.

Пользуясь моментом, я осмотрел обоих. Возница был сорокалетним мужчиной с бритым лицом, в широких штанах, в натертых салом сапогах, в серой рубахе навывпуск, в темном пиджаке и кепке. Широкий пояс охватывал рубаху, складки согнаны назад.

Поглядев на второго, я подумал, что как-то забыл, где нахожусь. Второй был татарин примерно тех же лет, что и возница. Одет похоже, только вместо кепки тубетейка.

– Разрешите представиться. Виталий Мишин, инженер из Грозного.

– Понятно. То-то, я смотрю, у тебя загар нездешний. Меня Николаем Филипповичем зовут. Романовы мы. А это Ринат Ильич Гатауллин, – наблюдая, как я, отодвинув сено, положил корзину, представился возница.

– Приятно познакомиться.

– Куда путь держишь? – спросил Николай Филиппович, как только я устроился на заднюю телегу.

– В Казань.

– Добре, мы туда же направляемся.

– Это хорошо, а то ноги в кровь сбил, – довольно улыбнулся я и, подтянув ноги, стал массировать подошву, осторожно касаясь ссадин.

– Отчего так?

– А, – махнул я рукой, как будто дело плевое. – Подошва у сапога оторвалась, вот и выкинул. Думал, прикуплю в ближайшей деревне, да вот не получилось. Ничего, в Казани обуюсь. Просто не рассчитывал, что так быстро ноги собою. Хотел на пароходе доплыть. Но вот не успел.

– Городской... – не то ругнулся, не то констатировал факт возница.

– А шляпа? – спросил татарин, на русском он говорил чисто.
– Да ее еще три дня назад ветром на пароме сдуло. Ничего, до Казани доберусь, там все и прикуплю. Кстати, долго до нее?

– Вечером будем, – спокойно ответил возница.

– Может, я тогда посплю, а то глаза слипаются...

– Да спи, ты нам не мешаешь.

Уснуть мне не помешал ни тихий разговор попутчиков – судя по нему, они ехали на базар закупаться для дома и семьи, – ни скрип телеги и топот лошади.

– Виталий, просыпайся, обедать будем, – потрепал меня по плечу Николай Филиппович.

– Ага, – широко зевнув и потерев лицо, я сел и осмотрелся.

Стояли мы в открытом поле у дороги. Вокруг раскинулись бескрайние поля, чуть в стороне виднелись какие-то постройки, видимо, деревня, а правее нашего маршрута отчетливо были видны воды реки. По ней шел буксир, тащивший баржу. Видимо, у берега были приличные глубины.

Мои попутчики к этому времени успели расстелить на краю телеги кусок брезента и начали выкладывать снедь. Еще раз зевнув, чтобы прогнать остатки сна, я подтянул корзину и выложил все, что у меня было, кроме куска, который грыз – не надо им было видеть следы зубов. Это могло вызвать подозрения.

Взяв у Рината Ильича нож, я быстро нашинковал ломтиками сало, остатки немного подсохшего хлеба и луковицу.

По сравнению со мной, у деревенских стол был побогаче. Вареное мясо, свежий хлеб, вареные яйца, пирожки с мясом и картошкой, луковицы и кефир в кувшинах.

Присоединившись к пиршеству, я довольно быстро поел. Можно сказать, наелся. Убрав остатки еды обратно, мы продолжил путь, и я опять благополучно уснул.

Проснулся ближе к вечеру, сам – выспался. Привстав на локтях на качающейся телеге, осмотрелся. Попутчиков прибавилось – были еще две женщины, одна лет за пятьдесят, другая за тридцать. По виду мать и дочь.

– Добрый день, – поздоровался я.

– Здравствуйте, – вежливо ответили женщины.

– Николай Филиппович, когда прибудем?

– Да приехали уже, вон, пригород видно. Через полчаса на месте будем.

– Хорошо. Вы сразу на базар?

– Не, мы к дочке, переночуем. Но тебе по пути, она недалеко от железнодорожного вокзала живет, там есть вещевого рынок.

– Это хорошо, спасибо.

– Тебе, Виталий, ночевать есть где?

– Да нет, я в Казани только проездом был.

– Можешь с нами переночевать. Дочка недорого возьмет.

– Почему нет? Я согласен.

– Добре.

Высадив на окраине обеих женщин – кстати, они за перевозку не платили – мы въехали на улицы древнего города.

Мне было интересно разглядывать город, переживший столько веков. Странные трамваи, машины, повозки, людей в древних одеждах – у многих она полувоенная. Внимательно приглядываясь к людям, я заметил, что большинство были в шляпах или шляпках. Простоволосых было мало, да и то в основном дети.

До дома, где жила дочка возницы, мы доехали минут за сорок. Николай Филиппович не обманул, вокзал был где-то неподалеку, я отчетливо слышал перестук и паровозные гудки. Зато с другой стороны промелькнули белые стены Кремля.

Въехав в тихий дворик, остановились у одного из подъездов. Дальше мы втроем распрягли лошадь, загнали телегу к стене сарая, а лошадь завели в сам сарай, дверь которого нам открыл внук Николая Филипповича, пацан лет восьми. Андрейка.

Договориться о постое действительно не составило проблемы. Отдав всего пятьдесят копеек за ночь, я умылся и свалился на выделенную лежанку. Несмотря на то, что успел поспать за время езды, вырубился я почти сразу.

– Виталий, ты просил разбудить тебя утром. Да и мне пора на работу.

Проснулся я сразу, как только Елена, дочка Николая Филипповича, коснулась моего плеча.

– Спасибо. Сколько времени?

– Семь утра уже.

Елена была вдовой. Муж, работник прокуратуры, погиб два года назад, утонул. Так что жила она с сыном в двухкомнатной квартире одна.

– Я тебе еды положила на кухне, позавтракай.

– Спасибо.

Быстро поел (попутчиков уже не было, они на базар сорвались в шесть утра) и, поблагодарив хозяйку, я собрал вещи и покинул приютивший меня дом.

К моему удивлению, не я один был такой босой, стайка мальчишек лет двенадцати, пробежавшая мимо с удочками, ничем от меня не отличалась. Даже штанины были так же подвернуты до колен. Потому, поправив рубаху под ремнем, и убрав складки назад, я подхватил корзину и зашагал в сторону железнодорожного вокзала – прежде чем совершать покупки, нужно узнать цены на билеты.

Своим видом да еще с корзиной в руках я напоминал отдыхающего, поэтому особого внимания не привлекал. Прогуливающийся по площади у вокзала милиционер – младший сержант, судя по треугольникам – только лениво скользнул по мне взглядом и продолжил патрулирование.

В кассы идти не пришлось, у входа на доске объявления висели расценки.

«Тэк-с, десять рублей до Москвы в купе и пять рублей на плацкартном. Хм, это дорого или дешево? Ладно, цены узнал, теперь на базар, там определимся».

Прежде чем идти на базар, я зашел в жаркое помещение вокзала и встал у кассы, где как раз покупала билеты в плацкартный вагон стайка девушек. К моему удивлению, они просто говорили, куда, и оплачивали, получая маленькие серенькие картонки билетов. Документы они не предъявляли. Воодушевившись, я узнал, когда ближайший поезд на Москву, вышел с вокзала и направился на базар. До четырех дня времени у меня полно.

Помня о билете, я отложил десять рублей, решив потратить остальное – семь рублей бумажками и два рубля мелочью.

Базар располагался недалеко, дошел минут за десять. Причем торговали там не только вещами, но и продовольствием из ближайших деревень.

Покрутившись, я продал корзину за сорок копеек – больше она не стоила – а обе бутылки по двадцать.

Подойдя к мужичку, торгующему поношенной одеждой, я надолго завис у него, шупая и пробуя товар. Мне понравились заметно ношенные, но еще крепкие сапоги, но продавец запросил за них аж десять рублей. Обычно такие стоили около пятидесяти рублей, как я узнал у соседей, но именно у этой пары, у одного из сапог, был разрыв на голенище, зашитый суровой ниткой. Походив по базару, я цены знал, даже в магазин заглянул, присматривался, поэтому

сразу начал торговаться. Сбив цену до семи рублей двадцати копеек (тут продавец уперся и ни в какую не хотел уступать), я дополнительно вытребовал у него два куса фланели для портянок.

Быстро обувшись, раскатал штанины и заправил их в голенища – теперь то, что штаны короткие, в глаза не бросалось. Прошелся, пробуя обновку на ходу. Блин, как же зашибись ходить обутым! Можно было бы, конечно, купить полуботинки или вообще плетенки. Но мне требовалась обувь для долгих переходов, а эти сапоги, было видно, еще долго прослужат, хоть слегка и рваные. Я не привередничал, на что хватило, то и купил.

Денег фактически не оставалось, но за рубль я у того же мужика купил вполне приличного вида солдатский сидор. Расплатившись, бодро зашагал к продовольственным рядам, где купил два каравая, шмат соленого сала, пару луковиц, десяток вареных яиц, два соленых огурца и шесть пирожков с капустой. В магазине взял две бутылки с газированной водой.

Убрав все в сидор (на нож денег не хватило, но если что, у соседей спрошу, не один же поеду), я направился к выходу с базара.

Времени было часов десять, может, пол-одиннадцатого, поэтому, сходяв на вокзал и купив билет в плацкартный вагон, я вернулся к базару и, устроившись на лавочке в тени дома, положил рядом сидор, достал купленную газету и принялся изучать ее.

«Так, с годом я не ошибся. Газета сегодняшняя, шестнадцатое июня тысяча девятьсот сорок первого года. Почитаем, про что тут».

Внимательно изучив все колонки, прочитав их по несколько раз, я сложил газету и, развязав сидор, убрал ее – пригодится, туалетной бумаги у меня нет.

«Получается, через шесть дней начнется война. Предупредить я местных все равно не успею, так что смысла нет, но вот будущую обстановку более-менее знаю, спасибо книгам альтернативщиков: если напишу письмо, что будет в первые дни войны – они почитают и отложат под скатерть; но второе письмо заставит их задуматься. Решено, сажусь на поезд, он как раз девятнадцатого придет в Москву, там беру сразу до Минска или до Киева и еду дальше. Надеюсь, успею до начал неразберихи на дорогах».

Откинувшись на бревна сруба, в тени которого сидел, я стал лениво рассматривать прохожих. Изучал их движения, как одеты, как ходят, как общаются друг с другом. Манеру речи. Буквально через пару минут мое внимание привлекло оживление метрах в двухстах, с другой стороны площади. Подхватив сидор, я направился к толпе.

Протиснувшись в первые ряды, я ностальгически улыбнулся. Тут оказался обычный лохотрон, только вместо шарика и стаканчиков было три карты, которые ловко и быстро перемещал улыбчивый паренек.

Поглядев, как разувает доверчивых сельчан, я вышел из толпы и, попив холодного кваса, что с деревянной бочки на колесах продавала полная тетка, отошел в сторону, к кустам, где, присев на кирпич, стал с интересом наблюдать за лохотронщиками.

Буквально через полчаса мое ожидание было вознаграждено. Я заметил, как в плотной толпе, шумевшей где восторженно, где возмущенно, замелькали юркие парни-карманники.

– Ловко, – пробормотал я, заметив, что все украденное, пройдя несколько рук, оказалось у парня лет двадцати шести, который, развернувшись и оставив на своем месте другого, направился куда-то в сторону ближайших подворотен. Он явно шел сбрасывать добычу.

Посмотрев ему вслед, я подхватил сидор и отправился за ним. У меня появилась идея ограбить воров.

А что? В милицию они точно не побегут жаловаться, а мести я не боялся, так как в четыре меня здесь уже не будет.

Парень был тертый и преследование заметил сразу, так как кроме меня в ту же сторону шли только две девчонки-пионерки.

Заметив, как он юркнул в ближайшую подворотню, я заторопился. Не хотелось упускать потенциальную жертву.

Так, бегом следуя за парнем, я вдруг оказался в глухом парке где-то рядом с вокзалом – были слышны близкие паровозные гудки и шум составов. Остановившись у тополя, парень поджидал меня, хмуро разглядывая.

«Оп-па, да он не один!» – мысленно протянул я, заметив быстрые движения за деревьями. Меня окружали.

– Ну че, филер, решил взять Ваньку Рыжего? – ощерился преследуемый в отличных, надо сказать, сапогах.

«Трое», – понял я, скинув сидор с плеча на прелую листву.

– Рыжего? – озадаченно переспросил я, поглядывая на черную как смоль шевелюру парня.

– Рыжье люблю, – снова усмехнулся тот, показывая ровные белые зубы.

Быстро оглядевшись, я прикинул расстановку сил. Спереди Рыжий, с левого боку подходил один из карманников, сзади, играя финкой в левой руке, плотный парень моих лет. Вот он был рыжим.

«Рыжий явно левша, не очень хорошо, но и сложного ничего нет, карманник больше для понта играет ножичком, неумеха... А вот это плохо», – подумал я, заметив, как главарь откинул полу пиджака и достал наган.

Пришлось действовать мгновенно. Стоял я в четырех метрах от него, поэтому, когда он демонстративно медленно достал револьвер, метнулся вперед и пробил ему прямой в кадык сложенными пальцами. Удар назывался «копье». Этот не жилец, поэтому, развернувшись – наган мне был не нужен – я шагнул к рыжему.

Глухо выругавшись, тот очертил ножом перед собой широкий полукруг и встал в защитную стойку.

– Тоха, подходи к нему с боку, – велел он мелкому.

– Ага, – опасливо посматривая на меня, карманник стал медленно обходить меня. Кроме ножа у того в пальцах другой руки был зажат обломок опасной бритвы. Рабочий инструмент, можно сказать.

Медлить было нельзя, поэтому я атаковал рыжего. Отбив довольно ловкий выпад, нанес лбом мощный удар в переносицу, от которого противник поплыл. Карманник, надо отдать ему должное, несмотря на явный испуг, бросился в атаку, выставив вперед нож, поэтому налетел на прямой удар моей левой ноги и упал, судорожно закашлявшись.

Ударом в висок вырубив рыжего, я подошел к скулившему мелкому и ногой откинул нож и обломок бритвы, после чего прямым в лоб погасил сознание карманника.

Дальше начался сбор трофеев. Первым делом я подобрал оружие. Наган меня разочаровал. Нет, он оказался вполне новым и рабочим, хоть и не чищенным, но проблемой было то, что патронов к нему не имелось. Ни в карманах убитого, ни в барабане. Короче, грозная, но игрушка. А вот с ножами был даже перебор. Пять штук. Тесак с тридцатисантиметровым лезвием отправился в сидор. Туда же – две финки и один складной ножик. Другой складник, получше, я убрал в карман.

Потом, охлопав тела, собрал другие трофеи. Помимо шести бумажников нашлась еще отдельная пачка денег и около десяти рублей мелочью. Кроме этого, я стянул с Рыжего и сапоги. Были они отличные, командирские, яловые. Более того, у главаря оказался один со мной размер, сорок второй разношенный.

Быстро собрав все бумажные деньги, я пересчитал получившуюся пачку. Сто семьдесят шесть рублей. С мелочью вышло сто восемьдесят три рубля восемнадцать копеек. Это еще не считая трех резервных рублей, что у меня остались после покупок.

Посмотрев на пачку в своих руках, я решил закупиться по максимуму, все равно скоро они не понадобятся. Связав двух карманников, чтобы они не сразу смогли освободиться, я

протер бумажники от пальчиков и, закинув потяжелевший сидор на плечо, направился обратно к базару.

– Что-то еще хотите купить, товарищ? – спросил тот же продавец, у которого я приобрел сапоги и сидор. На новенькие сапоги он посмотрел с интересом, не более.

– Да, я себе вот купил другие, получше, хотелось бы вернуть вам обратно эти сапоги.

– Пять рублей, – быстро сказал продавец.

– Что?! Да я их у вас за двадцать купил, – возмутился я, с удовольствием приступая к торговле.

Через двадцать минут, отдав сапоги за шесть рублей, осмотрелся и тихо произнес:

– Я еще хочу переодеться. Вон те синие командирские галифе, что у вас под прилавком, почему?

Я особо не торопился, за час купил синие командирские галифе и зеленую, тоже командирскую, из хорошего материала гимнастерку с уже подшитым белоснежным подворотничком. Все это было ношеным, но почему-то открыто не продавалось, только из-под прилавка. Видимо, был запрет на продажу военной формы и амуниции. Но продавец, поняв, что я серьезный клиент, не только помог мне переодеться, но и показал на старичка, что сидел через шесть прилавков, сообщив, что тот поможет с амуницией.

Тут многие мужчины носили полувоенную одежду, это внимания не привлекало. Кроме формы я купил шелковое белье, рубаху и кальсоны. У продавца были только из обычного материала. Но подумав, как мне все это натирать будет, я договорился о шелковом, причем новеньком белье. Тоже из-под прилавка, новенькое, но дорогое.

Сзади была небольшая примерочная, там я и переоделся, даже новенький командирский ремень со звездой на пряжке, купленный у соседа-продавца, пришелся впору. Согнав складки гимнастерки за спину, я притопнул сапогами, провел рукой по галифе и вышел из примерочной.

– Вот. Сразу другой вид. И выправка, и форма выдает командира. Кем служили? – спросил продавец.

– Пулеметчиком был.

– Тогда вам эту фуражку, тут с пехотным околышком.

Как и гимнастерка, фуражка не имела воинских знаков, хотя на околыше был выгоревший след от звезды. Примерив ее, я отрицательно мотнул головой, возвращая – мала. А вот другая, та, что поновее на вид, пришлась впору. Продав старую одежду за три рубля, купил метровый кусок чистого холста и, спросив у продавца ножницы, разрезал его на два квадрата. Будет теперь, куда завернуть еду и оружие. Также взял запасные портянки. За все уплатил пятьдесят девять рублей, хотя до торгов просили семьдесят.

Пройдясь по базару, осторожно подошел к нужному старичку, что продавал воинскую справу – ложки, котелки, фляги, ремни, ножи и принадлежности для чистки оружия. Хотя на прилавке всего этого не было, старичок для вида продавал ремкомплекты для швейных машинок, нитки и всякую дребедень.

– Добрый день, я от Семена, – подбородком указал на продавца, что торговал одеждой.

– Что вы хотели?

После того как я объяснил, старик пропустил меня за прилавок, показать, что было сложено в сумках и на полке, скрытой от покупательских взглядов – вдруг там стукач ментовский есть. Я уже понял, что все это продавалось незаконно.

У него я задержался, рассматривая ассортимент.

– Что именно интересует? – спросил дед.

– Хм. Эти наплечные ремни к моему ремню подойдут?

– Да, конечно. Вот тут система крепления. Видите? Двойной прошив.

– Хорошо. Беру. Также мне нужна фляга, кружка, ложка, вилка, походный котелок и пошивочный инструмент. Это котелок?

– Да, все новенькое, сын привез.

– Показывайте. Это прибор для бритья? – пощупав щетину на лице, спросил я и ткнул пальцем в небольшой кошель. – Там все? Тогда и его тоже.

Дед из-под прилавка достал зеленый прямоугольный предмет. Откинув крышку, показал, что это. Этот котелок напоминал тот, что был у нас в армии, цеплялся он к поясу, был литра на два с половиной. Сверху крышка, которую можно использовать как тарелку для второго. Напоминал современный, привычный мне, но немного другой формы.

Внутри котелка легко уместились и кружка, и ложка. Туда же я отправил кулек с солью.

Убрал все в сидор, набив его до отказа, и расплатился с дедом (двадцать рублей – блин, дорого!), закинул сидор на плечо и зашагал к вокзалу. Обед уже прошел, был час дня, так что можно подкрепиться в привокзальном ресторане и протянуть время до отхода поезда.

При выходе на привокзальную площадь я едва не столкнулся с рыжим, который, отсвечивая лиловым пятном на скуле и начавшими заплывать глазами, пронесся куда-то в сторону рынка. На меня он даже не посмотрел. На площади было много военных, десятка три точно.

Плотно пообедав в привокзальном буфете (хотя на мой взгляд, два с половиной рубля все же многовато), я прошел через здание вокзала и, найдя свободное место на одной из лавок, стал ожидать прибытия поезда. Я знал, что он будет стоять на втором пути.

Поглядывая на большие вокзальные часы, думал о том, что надо бы купить наручные, но никуда идти не хотелось. Ворье наверняка своих уже на ноги поставило, ищет, кто их водителя убил и на бабки опустил. Ничего, прибуду в Москву, куплю билет до Киева и, если будет время, добуду часы.

Пригревшись под солнцем, я через часок услышал шум приближающегося состава. Сбив фуражку с носа на затылок, потянулся, выпрямил ноги и широко зевнул, хотя спать не хотелось.

Пшикая паром из-под колес, паровоз протащил состав и, поскрипывая тормозами, подо-гнал его к перрону.

– Похоже, мой, – пробормотал я.

– Не только твой, и наш тоже, – хмыкнул кто-то рядом.

Повернув голову, я увидел рядом на скамейке двух лейтенантов с танками в петлицах.

«Точно, в Казани же танковое училище. Похоже, оперившаяся молодежь вылетела из своего гнезда».

– В Москву? – спросил я.

– Пересадка у нас там, – кивнул один из лейтенантов. – Лейтенант Григорьев. Александр.

– Виталий Мишин, лейтенант запаса, – последнее я добавил, чтобы пояснить отсутствие знаков различия. Таких в запасе за все пребывание на вокзале я видел двоих. Один – командир вроде меня, другой, похоже, из сержантского состава.

– Руслан Ибатуллин, – протянул руку второй.

– Ну что, идем? – спросил Григорьев.

– Он тут стоять будет с полчаса, так что успеем, – ответил я. Продираться сквозь выходящих пассажиров мне не хотелось. – Минут через десять можно идти устраиваться, поспокойней будет.

– А вы кем были? – спросил Григорьев.

– Командир пулеметного взвода.

Я сам не знаю, почему представился командиром пулеметчиков, хотя думаю, просто так, от балды, благо в этом оружии немного понимаю. Даже читал очерк о боевом применении во время финской войны пулеметов «максим».

– А почему в запас ушли?

– Я «пиджак».

– Что?

– «Пиджаками» называют не кадровых командиров, а тех, кто пришел после военной кафедры. Так понятно?

– Да, – кивнули молодые.

– Я три года на физматематическом факультете отучился, а тут комсомольский набор. Дали младшего лейтенанта, и пошел служить. За два года успел лейтенанта получить, как раз месяц назад, перед тем как в запас ушел. Вот хочу восстановиться и продолжить учебу.

– Понятно, – опять, как болванчики, кивнули мои собеседники.

«Уф-ф, вроде пошло. Прошла деза. Если что, есть версия, кто я и откуда», – подумал я, облегченно вздохнув.

– Кстати, можно идти, перрон посвободнее стал, – кивнул в сторону поезда, который состоял из трех купейных вагонов, вагона-ресторана и шести плацкартных за ними.

Командиры подхватили фанерные чемоданчики с оббитыми железными уголками углами, а я свой сидор.

У танкистов был третий купейный вагон, у меня пятый плацкартный, сразу за вагоном-рестораном, поэтому, попрощавшись, мы разошлись.

– Билет, – протянула руку женщина в форме. – Ваше место седьмое, проходите.

Проходя по узкому коридору, я рассматривал попутчиков: кто устраивался, кто спал, а кто играл в шахматы. Дойдя до своего места, я кинул сидор в изголовье. Место у меня оказалось внизу. Вместе со мной ехали женщина с трехлетним мальчишкой и старый дед. Видимо, семья. Обращались они друг к другу по именам. Старик, немного помявшись, попросил поменяться местами, тяжело ему было забираться на верхнюю полку. Подумав, я легко согласился.

Представившись, я скинул сапоги, вместе с портянками убрал их под нижнюю полку (запах, конечно, появился, но не такой ядреный, как я ждал), убрал фуражку за сидор и лег, прикрыв глаза. Постельное белье еще не выдали. Как сказал дед, его будут выдавать, когда поезд тронется, поэтому я спокойно мог отдохнуть.

Не спеша поезд шел на Москву, в вагон-ресторан я не ходил, питался своими запасами, только чай просил у проводницы во время остановок. Титана тут не было, так что горячую воду брали на станциях. Ехали мы, как я уже говорил, не слишком быстро, можно сказать, без особых проблем и, по словам проводницы, на следующий день к обеду должны были прибыть в Москву. Однако утром девятнадцатого я все-таки вляпался в неприятности. А дело было так.

Весь мой сухпай закончился, да и горяченького захотелось – борща там или щей – поэтому решил плотно пообедать в вагоне-ресторане, чтобы до Москвы хватило.

Пообедал без проблем, но меня подвела моя же наблюдательность. Прикончив второе, я оторвался от тарелки, взял стакан с подстаканником, откинулся на спинку кожаного сиденья и стал лениво попивать чай с печеньем.

Мое внимание привлекла компания из капитана-артиллериста и двух гражданских, которые уже с утра гужбанили за соседним столиком. Капитан уже поплыл, было видно, как он полусонно почмокал губами и захрапел, уткнувшись лбом в окно. Сидевший рядом парень быстро общмонал капитана и, когда разворачивался, наткнулся на мой взгляд. Другим со стороны было ничего не заметно, но с моего места рассмотреть руки в карманах капитана было возможно.

Парни сделали вид, что ничего не произошло, лишь изредка незаметно бросали на меня взгляды. Допив чай, я поставил стакан на столик и направился обратно.

Подойдя к двери, заметил в остеклении, что парни быстро меня нагоняют.

«Убрать свидетеля решили, ну-ну. Ствол у них точно есть. Что-то топырилось у одного за поясом, а работать будут наверняка ножами. Ну ворье!...»

В тамбуре было пусто, поэтому, подойдя к двери, что вела наружу, я проверил, открывается ли она. Оказалось, закрыта. Ничего, что-нибудь придумаем. Стоял я спиной к двери в вагон-ресторан, наблюдая за ней по отражению в стекле.

Парни сработали быстро, даже профессионально, атаковали они сразу. Не задумываясь.

Резко уйдя в сторону, я рукой отбил удар, перехватил кисть и обратным вывертом насадил бандита на его же нож, одновременно ударом стопы сломав второму ногу ниже колена. Я таким ударом доски ломаю, что уж тут говорить о хрупкой человеческой кости?

Двумя ударами добив порезанного, подскочил ко второму и, ухватив его за голову, резко дернул в сторону. Всегда хотел это попробовать, как в кино. Послышался хруст ломающихся позвонков. Я тут же пожалел, что так плотно позавтракал, но все-таки сдержался. Судя по запаху, у того, которому сломал шею, ослаб кишечник, стало отчетливо пованивать. Как мне говорили опытные бойцы, при переломе позвонков всегда освобождается кишечник, тут ничего не поделаешь, теперь я в этом убедился лично.

Времени не было, поэтому я быстро обыскал трупы, убрав трофеи в карманы (все не уместилось, пришлось содрать с одного из бандитов пиджак и завернуть находки в него). При поисках я обнаружил изогнутый штырь с треугольным концом, в котором не сразу опознал спецключ для вагонной двери, который меня изрядно порадовал. Я уж думал, как все это объяснять, если меня застукают. А что на меня быстро выйдут – это сто процентов, а тут такой подарок.

Открыв дверь, я выкинул оба трупа на насыпь. Мне повезло, что ни пока мы дрались, ни пока я избавлялся от тел, через тамбур так никто и не прошел. Выдохнув, сделал из пиджака сверток и задумался, куда его девать. В руках не понесешь, сразу соседи приметят. Спрятать? Так вроде некуда.

В это время через тамбур прошла стайка девушек. По-моему, даже та, которую я видел на вокзале. Стоял я к ним спиной, держа сверток из пиджака перед собой, поэтому они его не видели.

Как только девушки прошли, я развернулся, чтобы пройти в свой вагон, но заметил блеск клинка. «Черт, финка второго, как я ее не заметил? Как ее девчонки не увидели?! Повезло, наверное».

Подхватив финку, убрал ее к остальным вещам бандитов. Сделав из пиджака малоопытный сверток, я вышел из тамбура и прошел в вагон. Пройдя до своего места, подхватил заметно похудевший сидор и направился к туалету, это было единственное место, где можно уединиться. Отстояв очередь, вошел в пахнущее помещение, быстро оправился и развязал горловину сидора.

Развернув сверток, переложил добычу в вещмешок, а пиджак выкинул в открытое окно. Несмотря на то, что управился быстро, на меня все равно ворчали, что долго сидел на толчке.

Стянув сапоги, я опять лег на свою полку и, закинув руки за голову, стал мысленно пробегаться по вещам, составляя список. У бандитов было:

два пистолета. Вернее, наган и ТТ. Причем к ТТ был запасной магазин и четырнадцать патронов россыпью. К нагану с пять десятков патронов – времени считать не было;

финка, что я подобрал с полу, и складной нож (скоро из ножей бандитов коллекцию собрать можно будет);

два паспорта, принадлежащих нападавшим. Изучить их я не успел;

россыпь денег и две пачки десятков в банковской упаковке. Получается, больше двух тысяч;

пачка из трех десятков удостоверений командиров Красной Армии. Кроме них несколько паспортов, командировочные удостоверения, справки и продагтестаты на те же имена, что и в удостоверениях. Было с десятков партийных и комсомольских билетов;

наручные часы марки «Восток»;

карманное зеркальце и два платка;
спички и сигареты – я не взял;
спецключ для вагонных дверей.

Это все, что было в карманах напавших. Кстати, на одном из удостоверений были темные пятна, подозрительно похожие на кровь. Явно эти два бандоса охотились именно за командирами, причем нужны им были именно удостоверения. Странно. Немного успокоившись и дождавшись, когда сердце перестанет скакать, я сполз со своего места, оставив сидор, и направился обратно в вагон-ресторан. Капитан, которого обчистили нападающие, все еще был на месте, с ним как раз возилась одна из официанток. Заметив, что из-за соседнего столика поднимаются двое командиров, явно собираясь ей помочь доволочь капитан до его купе, я подскочил первым и предложил свою помощь.

– Спасибо, а то уж больно он тяжелый, – слабо улыбнулась девушка, с заметным презрением глянув на пускающего пузыри капитана.

– Ничего.

– Василий из нашего купе, давайте мы его доведем, – прозвучал рядом голос.

Придерживая капитана, я посмотрел на майора и стоявшего за его спиной старшего лейтенанта.

– Нужна помощь? – спросил я, передавая капитана его попутчикам.

– Справимся, – мотнул головой майор. – Странно, что он так наклюкался, на него это не похоже.

– Я видел, как он выпивал с двумя гражданскими, вид у них был подозрительный. Может, снотворное? Обокрали? – спросил я.

– Сейчас проверим. Лейтенант, подержите его.

Пока старлей придерживал капитана под мышки, майор под взглядами посетителей вагона-ресторана быстро того ощупал, похлопав по карманам.

– Какие-то проблемы? – к нам подошел лейтенант с васильковым околышем на фуражке. Явно гэбист.

– Странно, документы он обычно держал в кармане френча, вон клапан расстегнут, а тут почему-то в кармане галифе. Насчет денег не скажу, но их явно было больше, – озадаченно ответил майор, рассматривая документы, которые я успел подсунуть, когда принимал тушу капитана у официантки.

– Наверное, мне показалось, если все на месте, – пожал я плечами.

– Не знаю. Странно все это. Ладно, мы сами его донесем. Пошли, Воронцов.

Видимо, гэбиста удовлетворил ответ. Он кивнул и вернулся к своей компании, гулявшей за одним из столиков.

Проводив их взглядом, я довольно хмыкнул и вернулся в свой вагон, остаток дороги пролежал на полке.

Когда поезд подошел к перрону на Казанском вокзале Москвы, я надел фуражку, поправил одежду и, повесив сидор на одно плечо, вышел из вагона.

Спокойно покинув вокзал, я нашел пролетку – свободных такси не было – и велел вознице везти меня на Киевский. По дороге, заметив магазин, попросил остановиться возле него и приобрел тетрадь, карандаш и два больших конверта.

На Киевском вокзале купил купейный билет до Ровно и направился в зал ожидания. Найдя неприметный закуток, достал паспорта и удостоверения, после чего быстро их осмотрел. Сомнения не было, шла охота именно на командиров. Мое внимание привлек военный билет, принадлежавший двадцатичетырехлетнему лейтенанту запаса Виталию Михайловичу Фролову. Судя по записи, был он командиром взвода ПВО-ПТО. Причем «пиджаком» – я нашел отметку военной кафедры математического факультета.

Кроме военного билета среди документов нашлись паспорт и комсомольский билет на то же имя. Все документы, кроме комсомольского билета, имели черно-белые фотографии не лучшего качества. Присмотревшись, я понял, что этот Фролов очень на меня похож. Среднее, ничем не примечательное лицо, такое же, как и у меня.

Запомнив все данные тезки, убрал бумаги в нагрудный карман френча. Теперь у меня имелись документы. Даже описание практически совпадало. Цвет волос, телосложение и так далее. По ним я вполне подходил, только глаза у меня были синие, а у Фролова серые. Особые приметы отсутствовали. В общем, сvezло мне. Если только на знающего Фролова нарвусь, но это вряд ли.

Достав часы, выставил их по вокзальным и застегнул коричневый ремешок на левой руке. Теперь хоть со временем путаться не буду, хороший трофей.

В небольшом помещении почты, где был стол, я занялся правописанием. Сперва в отдел НКВД, потом на имя товарища Иванова в Кремль.

В госбезопасность я отправил скорее доклад, чем рассказ. Без указания своего имени, только описание произошедшего и свои мысли. Не забыл указать, где примерно сбросил тела напавших. Убрав в первый конверт все найденные у бандитов документы, кроме тех, что забрал себе, я заклеил конверт и написал на лицевой стороне: «*В Центральное управление НКВД*». Ничего, почтальоны разберутся, куда и кому.

После чего я начал писать письмо Сталину, первым делом указав день и время начала войны. Дальше описал задачи немецких войск и главные места прорывов. Заметив, что до отправления осталось всего десять минут, быстро поставил дату, убрал исписанные листы в конверт и, хотел было закрыть, но потом вырвал из тетради еще один листок и написал: «*Это то, о чем вы думаете (5 марта 1953 года)*». После чего заклеил конверт и надписал: «*Кремль. Товарищу Иванову*».

Выбежав из почты, я бросил оба конверта в почтовый ящик и побежал на перрон, держа в руке картонный серый квадратик билета.

– Черт! – воскликнул я, заметив, что состав уже тронулся.

Быстро догнав свой вагон, запрыгнул на подножку и, протиснувшись мимо улыбающейся проводницы, подал ей билет, поправляя лямки сползающего с плеча сидора.

– Проходите. Ваше купе пятое, место девятнадцать. Белье сейчас возьмете?

– Ага, спасибо.

– Тогда пройдемте.

Устроившись в купе и познакомившись с попутчиками (вот же повезло, все оказались командирами Красной Армии), я расстелил матрас и белье, после чего предложил отметить знакомство.

– Извините, товарищи командиры, закупиться не успел, едва на поезд не опоздал, так что предлагаю пройти в вагон-ресторан, – сказал я соседям.

– Да у нас с собой, не волнуйся, все равно скоропортящееся, так что рубанем, а потом уже можно и в ресторан, – отмахнулся один из попутчиков в звании майора.

Из трех попутчиков он был старшим по званию. Командир стрелкового полка майор Стрельников, беловолосый крепыш лет тридцати двух – тридцати трех в ладно пригнанной форме. Второй оказался старшим политруком Вячеславом Запольским, корреспондентом армейской газеты «Звезда». Третий – молодой лейтенант-артиллерист, только что из училища, Сергей Петров.

– Ты, смотри по нашивкам на рукаве, послужить успел? – спросил Стрельников.

– Лейтенант запаса, зенитчик, – представился я.

– Что за орудия? Тяжелые?

– Нет, ПВО-ПТО.

– А, скорострелки, – нарезая хлеб, хмыкнул майор.

Больше за время пути, к моему огромному облегчению, к моей якобы службе не возвращались, ехали спокойно.

Мне было интересно следить за поведением командиров, вот только пристрастие майора к алкогольным напиткам немного напрягало, но мне повезло – остальные оказались трезвенниками. У старшего политрука я заметил потрепанную книжечку-методичку. Она описывала знаки различия Красной Армии и Флота. Попросив ее изучить, мол, вспомнить материал, незамедлительно получил ее от Запольского – он, оказывается, и сам часто ей пользовался. Кроме того, я научился бриться опасной бритвой и править ее ремнем. Это сложно, поверьте мне, особенно в качающемся вагоне.

Начальнику Алексеевского районного отделения милиции капитану Ермолову от участкового милиционера старшины Ветрова.

Довожу до вашего сведения, что следов голого мужчины (словесный портрет прилагается), обнаруженного школьницами Зинаидой Ветровой и Марией Никашиной, не обнаружено. При опросе установлено, что, по сообщению Андрея Пермякова, у него пропали штаны серого цвета, синяя рубашка и ремень, когда он с женой купался в период времени между 20:30 и 21 часом в колхозном пруду. По показаниям Андрея Пермякова, велосипеды, которые стояли у обрыва, упали в воду, отчего штаны и рубашку, возможно, унесло течением, ключи остались. На месте, под водой, были обнаружены только кепка и пиджак. Ботинки находились на берегу. Деньги из пиджака, включая железную мелочь, пропали. По словам Пермякова, украсть вещи и деньги могли ребятишки-рыбаки, которых он до этого согнал с озера. Проведенное расследование показало, что дети, а именно... к этому непричастны. Также довожу до вашего сведения, что на следующий день рано утром жители села Рыбная Слобода Николай Филиппович Романов и Ринат Ильич Гатауллин, направляясь в город Казань на телеге, подобрали незнакомого парня (словесный портрет прилагается) и довели его до города. (Показания снял участковый милиционер младший сержант Еремин.) Где незнакомец, представившийся как Виталий Мишин, житель города Грозного Чечено-Ингушской АССР, после того как переночевал у дочери Романова и ушел, больше его никто не видел. Словесный портрет совпадает с тем, что указали школьницы, одежда, по описанию Романова и Гатауллина, схожа с той, что пропала у Пермякова.

Вывод: на территории Алексеевского района был ограблен неместный житель. Причина, почему он не пришел в райотдел милиции, неизвестна.

20.06.1941 г. Старшина Ветров.

Резолюция:

Отправить все материалы по Виталию Мишину в Казанский отдел НКВД.

Начальник Алексеевского районного отделения милиции капитан Ермолов.

Ночью мы проехали Киев, а рано утром нас разбудили взрывы и резкое торможение состава.

– Из вагона! – заорал я, спрыгивая со своей полки. Нахлобучив фуражку, схватил в одну руку сапоги, а в другую сидор, на ходу пытаюсь найти в кармане галифе спецключ.

Гурьбой мы добежали до тамбура, открыли моим ключом дверь и, вывалившись на насыпь, скатились вниз.

– На второй заход идут! – крикнул я, заметив, что три «лаптежника» закладывают вираж. Так мы и рванули подальше от поезда в чистое поле. К сожалению, леса вблизи не было. Пока бежали, я потерял своих спутников, смешавшихся с другими пассажирами.

Отбежав метров на триста, упал в траву и, подтянув сапоги, стал быстро наматывать портянки. Обувшись, снова подхватил сидор и рванул дальше. Должен сказать, я не один был такой

бегун, меня обгоняли многие пассажиры. Видимо, это заметили и немецкие пилоты, так как на третьем заходе они прошли пулеметами по обочинам и полю.

Подняв голову, я посмотрел на дымящуюся ямку в трех метрах. Снаряд, выпущенный из пушки штурмовика, оставил разрыхленную ямку сантиметров десять глубиной и чуть-чуть не достал до меня.

Привстав, огляделся. Самолеты удалялись, свое дело они сделали. Паровоз был разбит прямым попаданием бомбы, несколько вагонов горели. Те из пассажиров, кто уже пришел в себя, потерянно бродили, рассматривая убитых и раненых.

Сплюнув, я развязал горловину сидора и, достав флягу, сделал пару глотков, после чего прицепил ее к поясу. Повесив вещмешок обратно, направился в ту сторону, куда шел поезд. Делать мне тут было нечего.

Посмотрев на чистое небо, я глянул на часы. Пять утра, видимо, мы нарвались на свободных охотников, были такие эскадрильи, работающие по подвижным составам, или эти трое просто пролетали мимо и развлеклись.

Отойдя на шесть километров, я сел на рельсы и, положив рядом сидор, стал доставать оружие. Одна финка ушла за голенище сапога, остальные остались в вещмешке – ножен не было. Еще пришлось повозиться с пистолетом и револьверами, все они были нечищенные и незаряженные.

С наганами я справился быстро, один заряженный ушел обратно в сидор, другой я сунул в карман галифе, а вот ТТ вызвал некоторые затруднения. Ничего, с «Макаровым» справлялся и с этим разберусь. Как бы то ни было, через полчаса зарядил пистолет и заткнул сзади за пояс.

Позавтракав остатками купленной на последней станции еды, продолжил путь по шпалам.

Самолеты часто пролетали или надо мной, или чуть в стороне. К моему удивлению, летали не только немцы, но и наши. Видимо, еще не всю авиацию у нас выбили. Да много ведь летало. Далекие дымы были видны со всех сторон, ближайший сзади. Со стороны состава.

Где-то к обеду я заметил впереди лес и даже, кажется, мост через реку. При приближении понял, что не ошибся.

– Стой, кто идет? – окликнули меня через час, когда я подошел к мосту.

– Лейтенант запаса Фролов. Следовал в Ровно на поезде. Да разбомбили нас километрах в двенадцати отсюда, – спокойно ответил я.

Теперь я видел маленький окопчик чуть сбоку, ствол «дегтяря» с блином диска наверху и две зеленые каски. В ста метрах дальше виднелись бетонный холм дота и заграждения из колючей проволоки.

– Стой на месте!

– Понял.

Ждать долго не пришлось, буквально через минуту подошел наряд из трех бойцов с младшим лейтенантом во главе. У всех были черные петлицы с эмблемами железнодорожных войск. Это было странно, я читал, что такие сооружения охраняли войска НКВД.

– Документы! Почему пешком? Куда следуете? – засыпал меня вопросами младлей.

– Поезд разбомбило, у вас связь есть? Сообщите в ближайший населенный пункт, пусть помощь отправят, – ответил я, протягивая паспорт.

– Почему в форме? – изучив документ, спросил он.

– В запасе.

– Военный билет, – снова протянул руку младший лейтенант. Его он изучал дольше, судя по тому, как пару раз изучающе посмотрел на меня, сравнивал фото и лицо.

– Через этот мост пропустить мы вас не можем. Запретная зона. Но могу сказать, что в двух километрах есть автомобильный, – махнув рукой влево, сказал наконец летеха. Видимо, проверка прошла удачно.

- Спасибо. А насчет поезда?
- Передадим, не волнуйтесь. Утрешний на Ровно?
- Да.
- А мы гадали, почему он не прошел. Бомбили?
- Паровоз вдребезги. Несколько вагонов горело. Много убитых и раненых. Пока им оказывали помощь, я пошел за подмогой.
- Понятно... Значит, все-таки война, – едва слышно пробормотал он.
- Мост в той стороне?
- Да, идти вдоль берега, пока не упретесь.
- Ясно, спасибо. Кстати, до города далеко?
- До Ровно, почитай, километров сто будет. По пути только села.
- Ничего, найдем попутную машину.
- Удачи.
- Спасибо.

Повернувшись к охране спиной (наган я убрал в сидор, положив ТТ в кармане галифе), спустился с откоса и направился в указанном направлении.

Что меня больше всего удивляло, так это что как только я отошел от поезда, кроме постоянно гудящих в небе самолетов и охраны на мосту, не встретил ни одного живого человека. Можно сказать, беззаботная прогулка, если бы не то, что вокруг шла война, и не простая, а та самая, *Отечественная*.

Даже подойдя к шестидесятиметровому трехпролетному деревянному мосту, перекинутому через тихую речку, и то встретил тишину и ленивый окрик часового. Судя по количеству бойцов, мост охраняло едва ли больше отделения. Тут тоже не было войск НКВД, обычная махра, видно по петлицам.

- Стой, кто идет?
- Путник, мне нужно в Ровно.
- Стойте на месте и ожидайте командира, – стоявший в двадцати метрах от меня невысокий красноармеец всем своим видом выдавал, что принадлежит к матушке-пехоте.
- Жду.

В это время со стороны Ровно показалась черная точка, и когда ко мне подошел старший сержант, мимо на большой скорости пролетела «эмка», оставляя за собой шлейф пыли.

- Часто у вас так? – спросил я сержанта, проводив машину взглядом.
- Вторая, минут двадцать назад тут сразу три проехало. Спасаются начальники, – хмыкнул сержант, изучая мои документы. – В Ровно?

- Да.
- Причина посещения?
- Хотел друга навестить, но похоже, придется снова на службу возвращаться. Там ближайший военкомат.
- С попутной машиной помочь?
- Если не трудно.
- Тогда пойдемте, своим я скажу, они тормознут, если кто в ту сторону поедет.
- Спасибо, сержант.

Я не ошибся, мост едва ли охраняло больше десятка бойцов. С той стороны, с которой я пришел, находился пулемет Дегтярева, а с этой, со стороны Ровно, в большом окопе стоял ДШК на зенитном станке.

- Сменами службу несете? Что-то вас мало, – спросил я, устраиваясь рядом с сержантом на обочине.
- Должны были сменить в семь утра, да все нет и нет.
- Понятно. То, что война началась, уже знаете?

– Войска тут проходили, сообщили, – кивнул сержант. – Ничего, умоются кровью, наши как вдарят!

Меня несколько поразила такая уверенность и спокойствие сержанта, но свои мысли я удержал при себе, решив сменить тему:

– Я от разбитого поезда сперва к железнодорожному мосту вышел, так от них услышал, что немцы у границы два моста целехонькими захватили. Знаешь, как?

Решился я на этот рассказ по одной причине – дать понять, что война не шутка и малой кровью тут не обойдешься.

– Как? – заинтересовался сержант.

– Представляешь, подъехали на наших ЗИСах, в нашей же форме и ударили в упор из автоматов. Мосты бойцы НКВД охраняли, но даже они ничего не смогли сделать. Там через час стрелковый батальон подошел и с ходу отбил мост, так и узнали. Да и выжившие из охраны были. Некоторые успели отступить. Вот такие дела, так что держи нос по ветру. Подъедет машина, полная бойцов, на всякий случай держи ее под прицелом пулемета, да и с другой стороны пусть страхуют.

– Понял, спасибо, товарищ лейтенант. Только вряд ли они до нас дойдут.

– Пулемет разрешишь посмотреть?

– Вы бы, товарищ лейтенант, на моем месте разрешили?

– Нет, конечно.

– Вот и я не разрешу... Кажется, колонна идет, узнаю, возьмут попутчика или нет, – отряхнув галифе, сказал сержант. С прищуром посмотрев на приближающиеся машины, он добавил: – Хотя нет, не возьмут, войска идут.

Встав на обочине, я смотрел, как проходил через мост моторизованный полк. Определить это было нетрудно – сперва броневик с пушечной башней, потом два грузовика с пехотой, десяток несуразных танков, в которых я опознал Т-26, пара «эмок», потом пять десятков грузовиков, набитых пехотой. Еще были восемь прицепленных пушек. Зениток, кроме двух счетверенных пулеметов «максим» в открытых кузовах полуторок, я не видел.

– Сила! – уважительно сказал старший сержант, когда проехала последняя машина.

– Без зенитного прикрытия это просто одна большая цель.

– Что-то вы, товарищ лейтенант, на все смотрите с плохой стороны.

– Я смотрю на все глазами опытного командира, и то, что вижу, мне очень не нравится.

– Еще одна машина едет... О, я ее знаю, это почтовая из Ровно. Они один раз у нас колесо прокололи. Пока меняли, познакомились.

Сержант вышел на мост и жестом велел машине остановиться. О чем-то поговорив с водителем, он махнул мне, подзывая. На месте пассажира сидела полная тетка с заметно бледным лицом.

– Они прямо в Ровно едут, подвезут.

– Отлично, сержант, спасибо. Кстати, тебя как зовут, а то мы так и не познакомились?

– Старший сержант Свиридов, товарищ лейтенант.

– Спасибо, сержант, может, еще свидимся.

Водитель крытой полуторки уже вышел из машины и откинул полог заднего борта. Кабина была занята, поэтому мне оставалось только ехать в кузове. Но я был не в претензии. Закинув сидор в кузов, сам запрыгнул туда одним движением.

– Вас куда, товарищ командир? – прежде чем закрыть полог, спросил водитель. Это был степенный лет сорока мужчина со слегка отвислыми усами и седой шевелюрой.

– К военкомату.

– Мимо будем проезжать, высажу, – кивнул водитель.

Кузов был пуст, видимо, поэтому, несмотря на инструкции, меня так спокойно взяли. Присев на сидор, чтобы не замарать галифе в пыли, я стал, не обращая внимания на тряску, размышлять, что делать дальше.

Что происходит снаружи, мне не было видно, но пару раз машина прибавляла ход, вихляла, и сквозь рев мотора слышались взрывы и выстрелы. Кажется, был налет – рев авиационных моторов и треск пулеметов были хорошо различимы. Когда начали рваться бомбы, я убедился, что был прав. А однажды наверху, изрядно напугав меня, в брезенте появилось несколько дыр, но не задело. Хотя настил кузова в некоторых местах заблестел свежей щепой.

В Бога я не верил, поэтому всю дорогу только и бормотал:

– Твою мать! Твою мать!..

От моста до города ехали мы почти три часа, прибыв к двенадцати дня, но, к моему удивлению, доехали благополучно, то есть все-таки доехали.

Как только машина остановилась, я тут же оказался у заднего борта. Судя по тряске, последний километр полуторка ехала по брусчатке. Это означало, что мы в городе.

– Приехали, товарищ командир. Извините, к военкомату подвезти не могу, улица перекрыта, но тут недалеко, – произнес водитель, выпуская меня из жаркого и пыльного нутра кузова.

Спрыгнув на брусчатку и бросив под ноги сидор, я спросил, отряхиваясь от осевшей на форме пыли:

– А где военкомат?

– Вон, где толпа, там здание будет из красного кирпича, не ошибетесь.

– Ясно, спасибо. Кстати, а почему нас не остановили на въезде для досмотра?

– Там машину какую-то досматривали, а мы почта, нас пропустили, – спокойно пояснил водитель, закрывая кузов.

– Бардак. А что там на дороге было?

– Нашу колонну немцы бомбили, много побили. Потом еще один самолет за нами гонялся. Я по полю круги нарезал, наверное, чувствовали, как мы прыгали по пашне?

– Чувствовал. Ладно, спасибо, что довез.

Водитель вернулся к кабине тихо тарыхтящей полуторки, а я, приведя себя в порядок и закинув сидор на левое плечо, направился в указанную сторону.

Толпа на небольшой площади и прилегающих улицах оказалась не особо большой, но с пятьсот человек тут точно было. К моему удивлению, все они прибыли к военкомату по воинской обязанности. Пробравшись сквозь толпу, я подошел ко входу, который охранял одинокий красноармеец с винтовкой с примкнутым штыком, и, спокойно потянув дверь на себя, прошел в прохладный холл.

Внутри было полно призывников разного возраста: кто стоял в очереди, кто бегал с какими-то бумажками. Работники военкомата с уже измученными лицами носились туда-сюда. Поймав одного такого, я придержал его за локоть:

– Товарищ лейтенант, не подскажите, где находится военком?

– Второй этаж, третья дверь слева, – буркнул он и рванул по своим делам. Человек пять призывников последовали за ним.

Пройдя на второй этаж и уворачиваясь от спешащих людей (похоже, я один тут, который никуда не спешит), дошел до открытой двери, откуда доносилась брань, и заглянул в кабинет, где увидел тучного майора, орущего в трубку:

– ...где я тебе их возьму?! Все, что было, я уже отправил! Нет у меня их больше! Все, я сказал! Если будут, сразу отправлю.

С силой положив трубку обратно на телефон – как ни странно, аппарат не развалился – майор достал платок и вытер потный лоб, глухо бормоча что-то себе под нос.

Постучав согнутым пальцем о косяк, я спросил:

– Товарищ майор, разрешите войти?

– Заходи. Кто таков?

– Лейтенант запаса Виталий Фролов. Приехал в город повидаться с другом, но, видимо, придется возвращаться на службу. Война.

– Специальность? – протянув руку, чтобы взять документы, спросил военком.

– Командир огневого взвода ПВО-ПТО.

– Так ты же мне и нужен! – обрадовался майор, быстро листая мои документы.

– Товарищ майор, тут нужно подписать, – зашел в кабинет капитан с папкой в руках.

Быстро расписавшись и отправив капитана, майор сложил мои документы перед собой и сказал:

– Ты должен призываться Ленинградским военным округом, но нам вот так нужны командиры-зенитчики, – ударил он себя по горлу. – Поэтому пойдем тебе навстречу. Пойдешь командиром батареи в отдельный зенитный дивизион ПВО-ПТО, включенный в оборону города.

– Есть принять батарею... только вот, товарищ майор. Хватит ли у меня знаний? Все-таки я командовал только взводом.

– Ничего, разберешься, нет у меня больше командиров на эту должность. Все, что было, еще утром вывели, – сняв трубку, он кого-то набрал. – Алло? Матвеев? Пляши. Нашел я тебе командира на третью батарею, причем настоящего, он ранее взводным был на ПВО-ПТО. Лейтенант Фролов... Да, жди. Будет у тебя через час.

«Блин, я-то рассчитывал попасть под командование опытного комбатра и хоть немного войти в тему. Но как сейчас? Я же не в теме. Блин, надо же было так завратиться. Лучше бы я удостоверение того лейтенанта-стрелка взял, все легче».

В это время майор набрал другой номер:

– Игнат, зайди... Мне все равно, что ты занят! Быстро, я сказал!

Буквально через десять секунд в кабинет забежал старший лейтенант.

– Товарищ майор... – начал было он, но был оборван:

– Бери этого лейтенанта и быстро подготовь ему документы о переводе в дивизион Матвеева. Понял? Через полчаса чтобы все было готово.

– Есть, товарищ майор, – козырнул старшой и, зыркнув на меня, кивком велел следовать за собой.

Проблем бы не было, если бы я призывался в этом военкомате, но личного дела тут не было. Вот и пришлось старшому повозиться, формируя новое личное дело, заполняя его с моих слов, подготавливая документы и оформляя мне удостоверение. После того как военком подписал все бумаги, я вышел из военкомата с предписанием в течение часа явиться в распоряжение капитана Матвеева, командира отдельного зенитного дивизиона ПВО-ПТО.

– Товарищ лейтенант! – окликнул меня кто-то, хотя я даже со ступенек крыльца сойти не успел.

– Слушаю, – повернулся я к такому же лейтенанту.

– Вы ведь к Матвееву? К зенитчикам?

– Да.

– Мы в дивизион людей набрали. Раз вы туда, может, захватите их?

– Почему нет?

В это время взвыла сирена и кто-то истошно закричал:

– Воздух!!!

– Да сколько можно, четвертый раз уже бомбят! – воскликнул лейтенант. – Давай за мной.

Мы вместе с ним забежали за военкомат, где на небольшом пятачке двора толпилось около сотни людей в штатском. Только малая толика их были одеты в военную форму. Видимо, сохраненную со времен службы.

– Прижаться к стенам! – тут же громко скомандовал летеха.

В течение получаса мы пережидали налет. Бомбили что-то в паре километров в стороне, однако звуки разрывов и толчки почвы доносились и до нас. Когда немцы стали удаляться, за ними погнались три точки наших истребителей.

– Корпусные склады бомбят, гады, – вытерев мокрый от пота лоб, сказал лейтенант. – Ладно, твои вот эти. Я их в отдельную колонну построил. Вот, держи, тут их документы.

Приняв пачку документов, я убрал их в сидор и подошел к колонне:

– Командиры, руки поднять.

Подняло шесть человек.

– Представиться.

– Старший сержант Молчунов, – отозвался один из тех, кто был одет в форму.

– Старший сержант Андреев.

– Сержант Дмитриев.

– Сержант Ольнев.

– Младший сержант Индуашвили.

– Ефрейтор Смелов.

– Молчунов, примите командование над бойцами. Постройте в колонну по двое и следуйте за мной. Кто хорошо знает город?

– Я, товарищ командир, красноармеец Маликов. – Вышел вперед невысокий боец лет двадцати пяти. Младше в колонне не было, возраст был примерно от тридцати пяти до двадцати пяти.

– Будете проводником. Первым делом идем в военторг. Он далеко?

– Нет. Вон он. Вывеска видна, – указал красноармеец.

Посмотрев через открытые ворота, я действительно увидел магазин.

– Хорошо. Молчунов, вывести колонну с площади в сторону железнодорожного вокзала и ожидать меня на ближайшей улице.

– Есть. Разрешите выполнять?

– Выполняйте.

Пока сборный отряд через толпу маршировал к одной из улиц, я быстрым шагом пересек площадь и вошел в военторг.

За прилавком находилась женщина лет за тридцать, она сразу оторвалась от учета материи, что шла на командирские гимнастерки, и посмотрела в сторону входной двери. Что мне не понравилось, так это практически пустые полки, значит, не я один такой умный.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался я.

– Здравствуйте, вам что-то нужно?

– Да, сейчас неразбериха, и я пока могу не получить то, что нужно, так что я лучше куплю. Мне нужна кобура для ТТ, фурнитура на форму, знаки различия лейтенанта. Командирский планшет. Бинокль есть?

– Есть, вам какой?

– Самый мощный.

– Хорошо. Петлицы какого рода войск вам нужны?

– Я зенитчик.

– Ясно. Сейчас принесу.

Пока я, сняв пояс, крепил кобуру и наплечные ремни, что достал из сидора, продавщица забрала у меня фуражку и прикрепила звездочку. Застегнув пояс, я согнал складки гимнастерки назад, поправил кобуру, достал из кармана пистолет и запасной магазин и убрал их на положенное место.

Продавщица, подав мне фуражку, выложила на прилавок черные петлицы с артиллерийскими эмблемами, а к ним четыре «кубаря».

– Давайте еще два, вдруг один потеряю, для замены.

Продавщица молча добавил еще два кубаря и нарукавные знаки.

– Нитки с иглой, чтобы пришить знаки различия, нужны? – спросил она.

– Да, конечно. Мне еще нужен командирский блокнот с двумя карандашами, и, вон, вижу, есть журнал ведения боевых действий, его тоже.

– С вас сорок семь рублей и документы.

Записав мои данные в книгу покупок, она приняла деньги и выдала сдачу.

– Удачи вам, – пожелала она при выходе.

– Спасибо.

Повесив через плечо планшет, я поспешил догнать приданных бойцов. Они оказались на соседней улице, гурьбой сидели в тени одного из домов.

– Стройся! – тут же скомандовал Молчунов, как только кто-то из бойцов меня заметил.

Встав во главе отряда, я повел их к вокзалу, согласовываясь с проводником, шагающим рядом. Не знаю, какими путями он нас вел, но мы довольно быстро оказались в районе вокзала, где комендантский патруль, проверив у меня документы, отправил нас сразу к штабу дивизиона. Он находился через два дома.

Перед нужным нам зданием стояло несколько полуторок и один ЗИС-6, в кузове которого был установлен счетверенный пулемет «Максим» модели «4М». Посмотрев на расчет – двое были в кузове, командир в звании младшего сержанта прохаживался у левого борта – я остановил колонну и, придерживая планшет, вошел в здание.

– Фролов? – почти сразу окликнул меня невысокий худощавый капитан-артиллерист.

– Да, – кивнул я, разворачиваясь.

– Пополнение привел?

– На улице.

– Документы, – требовательно протянул руку капитан. Видимо, это и был капитан Матвеев, командир зенитного дивизиона.

– Ваши документы, пожалуйста, я вас не знаю, товарищ капитан, – попросил я.

– Хм, борзый. Держи.

Удостоверение подтвердило, что капитан Матвеев является командиром свежесформированного дивизиона. Вернув удостоверение, я скинул сидор и, достав документы, передал пачку капитану.

Приняв бумаги, капитан тут же крикнул:

– Елкин! – и, передав всю пачку выскочившему из соседней комнаты что-то жующему старшему лейтенанту, велел: – Оформляй, пополнение на улице. У лейтенанта тоже удостоверение заberi. Оформи его как командира третьей батарееи.

– Есть, – козырнул тот бутербродом. Забрав мое удостоверение, он ускакал на улицу. Видимо, принимать пополнение.

– Лейтенант, пошли ко мне в кабинет. Пообщаемся, потом поедем принимать технику и людей.

Следом за командиром я прошел по коридору и вошел в третью по счету дверь.

– Располагайся, – велел он.

Комната оказалась довольно большой, шесть на пять метров, судя по четырем окнам, угловая. Кроме шкафа для документов был сейф, большой стол, четыре стула у стены. За столом на стене висел портрет Сталина.

Присев на один из стульев, я положил под ноги сидор.

– Почему не по форме? – спросил капитан.

– Форма моя, я же из запаса. Новую пока не получил со склада, но фурнитуру купил в военторге, чтобы соответствовать, – достав из кармана петлицы, я показал их командиру. – Будет время, пришью.

– Черт-те что творится. Представляешь, нашли меня утром в гостинице и поставили командовать этим дивизионом. А я гаубичник, я в зенитках ни черта не понимаю, это же другие системы!

– А как так произошло? – искренне удивился я.

– А-а-а... – махнул рукой капитан.

Оказалось, в двенадцать ночи в Ровно пришел войсковой эшелон с двадцатью новенькими зенитками на платформах прямо с завода. Орудия были модификации ЗСУ 61-К – 37-миллиметровые автоматические зенитные пушки образца 1939 года на базе грузовика повышенной проходимости ГАЗ-ААА. Так вот тот, кто должен был принять эти машины, погиб при первом же налете, а его часть сейчас воюет у границы. Получалось, что боевая техника стала ничейной, вот командование и решило сформировать отдельный дивизион пятибатарейного состава из командировочных командиров и бойцов первого призыва.

Проблемой было то, что командиров практически всех выгребли еще утром и к десяти дня начали собирать с бору по сосенке. Под эти грабли попал и я. Кстати, мог попасть и раньше, если бы комендачи на въезде проверили почтовую машину. У них был такой приказ.

– Так что принимаешь четыре установки, две полуторки для перевозки боеприпасов и отдельную машину со счетверенными «максимами».

– А полевая кухня? Положена по штату, – вспомнил я один момент.

– Кухня положена дивизиону, там и будете получать паек, нам ее выдали.

– Я буду в составе дивизиона или отдельно?

– Отдельно, примерно в десяти километрах от города.

– Тогда кухня нужна, из города готовые обеды не навозишься.

– Чего нет, того нет.

– Ясно... Батарея уже сформирована или ее надо формировать сначала?

– Как таковой батареи еще нет, хотя батарейный старшина уже есть, как и пять водителей, это они согнали технику с платформ и перегнали на хоздвор пекарни. Пополнение ты видел, все они пойдут к тебе. Местных там фактически нет, в основном, как и ты, застрявшие тут. Кто по комсомольской линии работал в городе или окрестностях, кто по партийной. Не возвращаться же им к своим военкоматам. Так что цени, не местные, хоть трое и попало, водители. Были случаи, что бойцы, призванные с западных областей, в спину стреляли. Это пока все, если будут еще люди или командиры, пришлю сразу. Политработников пока нет, извини.

Несмотря на то, что капитан фактически полностью расписал мне все, что у меня будет, я засыпал его вопросами.

Вроде: на какое количество боеприпасов я могу рассчитывать; есть ли сменные стволы; как с продовольствием – ну и так далее. Во время расспросов к нам заглянул старший политрук, представившийся комиссаром дивизиона.

Через полчаса измученного капитана спас от меня тот самый старший лейтенант, оказавшийся начальником штаба новоиспеченного дивизиона. Особо познакомиться не получилось, он куда-то спешил. Только и запомнил, что у него фамилия Елкин.

– Документы готовы, товарищ генерал подписал, – сообщил он, подавая Матвееву документы.

Открыв то, что лежало сверху, капитан посмотрел, чему-то хмыкнул и протянул мне. Посмотрев удостоверение, я увидел, что теперь значусь командиром третьей батареи ПВО-ПТО войсковой части номер Р-56/708.

– Часть новая, когда ей номер присвоить успели?

– Час назад, командующий армией своей властью, – пояснил Елкин.

Уважительно покачав головой, я убрал удостоверение в карман гимнастерки и вопросительно посмотрел на Матвеева, подписывающего поданные начштаба документы.

Через пять минут, закончив с бумагами, капитан встал и махнул рукой, приказывая следовать за ним.

Выйдя из здания (пополнения, что я привел, уже не было), мы сели в одну из полуторок – капитан в кабину, а я в кузов – и поехали куда-то к окраине. Однако из города мы не выехали, повернули на какой-то улице и въехали на территорию хлебопекарни. Именно тут, открыто, у всех на виду в линейку стояли четыре машины с орудиями в кузовах. Чуть в стороне, в тени здания приткнулись две новенькие полуторки. Еще одна, тоже трехосная ГАЗ-ААА, с зенитными пулеметами «максим» в кузове, стояла у выезда. По двору с карабином на плече неприкаянно бродил одинокий боец-часовой.

Остановившись у второй машины с орудием, капитан открыл дверь, встал на подножку и, хмуро осмотрев двор, вдруг рявкнул:

– Боец, где старшина?!

– Товарищ капитан, товарищ старшина проводит осмотр вверенного ему имущества! – отгарабил часовой явно выученный текст. Судя по его виду, первого года службы пацан.

– Знаю, что он там осматривает, – проворчал капитан, следом за мной спрыгивая на утоптанную землю двора.

В это же время из открытых дверей хлебопекарни выбежал мужчина лет тридцати пяти со старшинской «пилой» в петлицах, поправляя на ходу пилотку.

– Товарищ капитан, старший батареи старшина Непейборода. За время перегона никаких происшествий на батарею не случилось!

– Вижу, что не случилось. Познакомься, старшина, со своим командиром батареи, лейтенантом Фроловым. Виталием Викторовичем, кажется?

– Михайловичем, товарищ капитан, – спокойно поправил я.

– Да, точно. С этой минуты он отвечает за все вооружение и оборудование.

– Есть, товарищ капитан.

– Принимай батарею, список вооружения у старшины, – велел мне Матвеев.

В течение получаса я обошел всю батарею, заставил водителей завести каждую машину и провел инвентаризацию имущества. У всех ли машин присутствуют запасные баллоны. Есть ли входящие в штатные инструменты топоры, пилы, лопаты и ломы. Заодно проверил запас топлива – в баках каждой машины было не более пяти литров.

После того как я расписался за принятие батареи, капитан выдал мне несколько пустых бланков на боеприпасы и продовольствие – ни того, ни другого, к моему удивлению, получено не было – и сообщил, что с завтрашнего утра я уже должен занять позицию в восьми километрах от города и прикрывать перекресток.

– Товарищ капитан! – у меня от возмущения аж перехватило горло. – Батареи, считай, нет, какие еще занимать позиции?!

– А ну смирно! – рявкнул Матвеев. – Раскудахтались тут. Сам знаю, что чтобы расчеты освоились, нужно минимум две недели усиленных тренировок. Но понимаешь, все батареи в разгоне, ты у меня один остался, а этот перекресток нужно прикрыть. Приказ командования. Ну нет там никого, вообще никого!

– Ясно, товарищ капитан. Тогда нужны еще накладные для боеприпасов, дополнительного вооружения, маскировочных сетей и топлива. И у меня карты нет, я даже не знаю, куда ехать.

– Вот, возьми мою, вымогатель, – достав из планшета карту-километровку, капитан протянул ее мне. – Место твоей дислокации уже отмечено. Разберешься?

– Да, вот город, вот этот самый перекресток, – картой я пользоваться умел, штурман наш научил, да и в училище я не ворон ловил.

– Все правильно. Ладно, лейтенант, командуй. Через час прибудет пополнение. Они сейчас на складах получают форму, амуницию и оружие.

– Есть, – вздохнул я.

Матвеев сел в свою полуторку и выехал со двора, я же повернулся к старшине, который стоял рядом и внимательно слушал наш разговор.

– Постройте людей, – велел я ему.

– Есть.

Быстро собрав пятерых бойцов, включая часового, старшина вытянулся и отрапортовал. Приняв его доклад, я прошел вдоль строя, разглядывая лица и составляя свое мнение о людях. На первый взгляд – двое старослужащих, трое не больше года службы.

– Представиться и сообщить, кто какие машины знает, – приказал я.

– Младший сержант Соболев. С начала службы ездил на разных машинах, но лучше всего знаю полуторки, – сделал шаг вперед невысокий русоволосый крепыш, в котором я определил старослужащего.

– Эту знаете? – кивнул я на ГАЗ-ААА, что стоял в пяти метрах.

– Не доводилось, но с эшелона мы их сгоняли и перегоняли сюда.

– Надеюсь, справитесь, все-таки старослужащий, других водителей у меня нет. Принимаешь первую боевую машину. Свободен.

– Есть, – четко козырнув, Соболев вышел из строя и пошел к одной из полуторок, как оказалось, за личными вещами.

– Следующий.

– Ефрейтор Антипов, товарищ лейтенант. Вожу все, что двигается, но эту систему не знаю.

– Ничего, научитесь, разница там небольшая. Принимаешь вторую машину. Свободен.

– Есть, – козырнул тот. Тоже сходя за вещами, ефрейтор стал устраиваться в кабине второй зенитки.

– Теперь вы, – велел я, посмотрев на трех оставшихся водителей.

– Красноармеец Вятка. Ездил на ЗИСах и полуторках. Трехлетний опыт вождения, – сообщил двадцатилетний паренек в ладно пригнанной форме.

– Принимаешь ту, что с пулеметами. Свободен.

– Есть.

– Красноармеец Иванов, водил только полуторки, – сделал шаг вперед четвертый водила с измазанным маслом лицом. Кажется, это он возился с одной из полуторок, когда мы заехали.

– Принимай ту, с которой работал. Свободен.

– Есть.

– Красноармеец Песцов, водил ЗИСы и полуторки, – шагнул вперед часовой.

– Оставшаяся полуторка твоя. До прихода пополнения продолжаешь стоять на часах.

– Есть.

Пока водители возились с той техникой, что за ними закреплена, я повернулся к молча стоявшему рядом старшине.

– Давайте отойдем в тень, а то уж больно солнце палит, там и поговорим.

Когда мы отошли к забору, где на лавочку падала тень от высокой ивы, раздался звук воздушной сирены.

– Опять летят. Наши летчики уже шестерых сбили, а им все нейдет, – проговорил старшина.

– Ничего, старшина, еще получат свое. Вот тут у меня списки личного состава, который скоро прибудет, давай их раскидаем по подразделениям и сформируем расчеты.

– Пятьдесят семь человек?! – удивился старшина.

– Да. Матвеев расщедрился и все последнее пополнение мне отдал.

Удивление старшины было понятно, я знал примерное штатное расписание для подобных батарей. Подсчитать не трудно. Один расчет орудия, включая командира – восемь человек,

хотя по штату семеро, но я заранее готовил замену. Соответственно на четыре орудия тридцать два человека, плюс водители для машин. Получается тридцать шесть. Старшина, санинструктор, три водителя для машин обеспечения и зенитной пулеметной установки, расчет для «максимов» еще три человека. Командир батареи, политрук, два командира огневых взводов. Вот и все. Связисты обычно присланные и в состав батареи не входят.

В обычных артиллерийских батареях народу гораздо больше, так как кроме огневых, там еще есть взвод управления, что существенно увеличивает штат. У нас такого не было, так что лишними бойцами мы можем распоряжаться по своему усмотрению.

– Мне начштаба дал краткий список со специальностями пополнения. Он нам и поможет раскидать людей. Начнем?

– Начнем, товарищ лейтенант.

Буквально через сорок минут (мы со старшиной уже минут двадцать как закончили с формированием батареи и начали заполнять накладные, подписанные Матвеевым) в воротах показалась колонна бойцов. Вел ее младший лейтенант-артиллерист лет двадцати трех.

– Батарея... стой! – скомандовал он, как только колонна вошла во двор хлебопекарни, из дверей которой выглядывал любопытный обслуживающий персонал. – Равнение на середину! Товарищ лейтенант, личный состав третьей батареи после получения вооружения и формы прибыл для дальнейшего прохождения службы!

– Вольно, – несколько хмуро ответил я. – Представьтесь потом, а пока по списку. Кого называю, шаг вперед. Младший сержант Индуашвили, вы назначаетесь командиром зенитной установки счетверенных пулеметов «максим». Красноармеец Василевский, наводчиком. Красноармеец Миронов, заряжающим. Названным бойцами принять технику немедленно.

– Есть!

– Есть!

– Есть!

Трое названных бойцов побежали к машине, у открытой двери которой стоял водитель Вятка.

– Еще шестеро, кого я назову, выходят из строя и поступают в распоряжение старшины. Красноармейцы Филиппов! Краснов! Харитонов! Миронченко! Иванов! Печкин!

Как только я называл бойца, он сразу же бежал к старшине, тот переправлял его в полуторки.

– Все, езжай, – велел я Непейборде.

Три машины сразу же выехали со двора. Причина такой спешки была одна – мне требовалось как можно быстрее вывезти со складов боеприпасы, топливо, продовольствие, амуницию и средства обеспечения. Орудия есть, а боеприпасов нет – смех, да и только.

Проводив колонну взглядом, я хмуро посмотрел на строй бойцов. Как и говорил Матвеев, одни винтовки, ни одного карабина. Да что там карабины, даже положенных по штату ручных пулеметов Дегтярева и то не было. Мало того, кроме младлея в брезентовых сапогах, все бойцы были в обмотках.

– Красноармеец Голубев, принять охрану въездных ворот во двор хлебопекарни.

– Есть, – боец побежал к воротам.

Причина, почему я поставил бойца, была проста. Прошлый часовой уехал со старшиной, будучи водителем одной из машин. Так что пришлось сразу озаботиться заменой.

– Представьтесь, – велел я младлею.

– Младший лейтенант Сазанов, назначен в третью батарею командиром первого огневого взвода, – протягивая документы, доложил он.

– Не тянись, недавно из училища? – несмотря на то что Сазанов явно был старше меня, на пару лет точно, было видно, что он немного робел.

– Две недели. После отпуска направлялся в часть согласно распределению, но наш поезд разбомбили немцы, пришлось добираться на попутках.

– В ста километрах, перед железнодорожным мостом? – спросил я, отрываясь от изучения документов.

– Да, а как вы?..

– Я тоже на нем ехал. Ладно, принимай первый взвод, это вон те две машины с водителями, – снова достав блокнот, я сказал: – Теперь займемся распределением расчетов. Старший сержант Молчунов!

– Я!

– Назначаетесь командиром первого орудия первого огневого взвода на машине под бортовым номером БС семьдесят – сто три.

– Есть.

– Расчет первого орудия первого огневого взвода. Красноармеец Маликов – наводчик по азимуту. Красноармеец Вершинин – установщик скорости и дальности на прицеле. Красноармеец Икмамбеков – наводчик по углу возвышения. Красноармеец Степанов – заряжающий...

За десять минут я раскидал расчеты по огневым взводам. Остались только два водителя, повар с помощником (знаю, что не положено, но уж если попались эти специальности...) и четыре бойца, не считая уехавших со старшиной, которые были у нас «лишними». Водителей отправил во второй огневого взвод, благо оба мужики за тридцать, опытные, а повару с помощником и четырем бойцам пока велел помогать расчетам, получившим технику. Потом повар будет принимать продовольствие, а «лишние» бойцы возьмут на себя охрану батареи. Не было в наличии только санинструктора, но Матвеев сразу предупредил, что тот прибудет ближе к вечеру.

Закончив, я приказал:

– Расчетам снять с орудий консервационную смазку и привести их к бою. Прицелы и замки для орудий находятся вон в тех зеленых ящиках, что сложены за последней машиной. Боеприпасы и учебные снаряды скоро будут доставлены. Выполнять.

Поглядывая, как суетятся вновь назначенные расчеты, я сидел в тени на лавке и заполнял боевой журнал батареи, внося в него списки личного состава.

– Товарищ лейтенант, – подошел ко мне Сазанов, – ветоши нет, нечем смазку убирать.

– Сходите к директору хлебопекарни. Попросите тряпок. У них должно быть, – посоветовал я. – Старшина должен подвезти ветошь, но когда это еще будет.

– Хорошо.

Меня несколько раздражали эти ответы бойцов – да, нет, хорошо. Доживу ли я до сорок третьего, когда введут нормальные воинские команды и ответы?

Когда Сазанов немного отвлекся, я подозвал его, чтобы расспросить. Оказалось, он срочную служил зенитчиком, наводчиком. Получив должность сержанта и командира орудия, подал рапорт в артиллерийское училище на годичные курсы командиров взводов зенитных орудий, которые закончил две недели назад. При следовании к месту службы попал под бомбежку Ну, это понятно, сам там был.

Старшина вернулся только через час, когда расчеты полностью привели орудия к готовности открыть огонь – убрали смазку и прочистили банниками стволы. Даже успели пару раз сыграть тревогу, что сразу показало уровень подготовки расчетов. Не было никакого уровня. Учить их взаимодействовать друг с другом и учить.

Натужно ревя моторами, перегруженные полуторки и сопровождающая их машина с зенитными пулеметами въехали во двор хлебопекарни. Пулеметчиков я послал не просто так. К «максимам» у нас патронов тоже не было. Поэтому сразу на складе расчет снарядил патрон-

ные короба и приготовил оружие к бою, теперь у нас появилась хоть какая-то защита, к тому же расчет ранее служил именно с таким оружием и знал его до мелочей.

Ловко покинув кабину передней машины, старшина подскочил ко мне и, козырнув, доложил:

– Товарищ лейтенант, часть обеспечения доставлена. Разрешите приступить к разгрузке?

– Давайте, – кивнул я.

– Товарищ лейтенант, как вы и просили, я достал красноармейскую форму вашего размера. А также все, что вам полагалось: каску, шинель, вещмешок, полотенце, портянки, личное оружие с кобурой, ракетницу, бинокль, планшет. Мыло тоже дали. Разрешите озадачить одного из бойцов, чтобы он привел вашу форму в порядок?

– Хорошо, спасибо. Вот, держите, – достал я дубликат петлиц с лейтенантскими кубарями. – А остальное в кабину машины с пулеметами.

Причина поменять форму была простой – чтобы снайперы не подстрелили. Ведь сколько командиров, разряженных в командирскую форму с этими приметными шевронами на рукавах, сложили свою голову, пока не догадались ввести стандартную, чтобы ничем от простых бойцов не отличались. А то выскочит такой на бруствер, взмахом пистолета поднимая роту в атаку – так вот он, стреляй. Нет, я себе такой участи не хотел и заранее озаботился комплектом красноармейской формы, которую уже подшивал один из «лишних» бойцов, отданных под командование старшины.

Пока бойцы споро разгружали бочки с топливом, ящики со снарядами и патронами (четыре с патронами даже к пулеметчикам загрузили), мы со старшиной отошли в сторону. Изучив по спискам, что привезли, я довольно кивнул. Большую часть острых моментов мы перекрыли.

– Кстати, старшина, почему у тебя винтовка, а пистолета нет?

– Так... не положено.

– Если что, скажешь, я приказал. Кобуру для нагана сможешь найти?

– Конечно.

– Тогда сейчас.

Сходив к своему сидору, который так и стоял у лавочки в тени дерева, развязал его, достал наган Рыжего и десяток запасных патронов.

– Держи, – вернувшись, протянул я оружие старшине. Мне, как командиру батареи, выдали ТТ, его я хотел оставить себе. А револьверы не жалко. Теперь у меня было два ТТ и один наган.

– Спасибо, товарищ лейтенант, – убирая револьвер и патроны в карман галифе, поблагодарил он. – А откуда у вас оружие?

– Да дней пять назад в поезде напали на меня какие-то урки, вот и... – похлопал я по своей кобуре. – Наган и ТТ как с куста.

– В милицию их сдали?

– Хм, можно и так сказать.

– Понятно. О, машины разгрузили, так я поехал?

– Давай.

Две полуторки, ревя моторами, покинули хоздвор, оставив штабель ящиков, несколько тюков и пулеметную установку. Посмотрев, как Трифонов возится с красноармейской гимнастеркой, пришивая черные петлицы, я подошел к тюкам и окликнул взводного:

– Сазанов! Андреев! Подойдите. Будем принимать боеприпасы и вещевое имущество.

Взводный стоял у первого грузовика рядом со вскрытым ящиком учебных снарядов, наблюдая, как с ними возится расчет. Услышав окрик, он резво развернулся и подбежал. Старший сержант Андреев кроме того, что принял первое орудие второго огневого взвода, исполнял обязанности командира взвода. Он тоже поспешил ко мне.

– Товарищ лейтенант?

– Ах да, – отвлекся я от размышлений. – Значит, так, в этих бочках топливо, пусть водители начнут заправку, а то там баки фактически пустые. Ручных насосов нет, но ничего, с ведрами побегают. Эти восемь тюков – маскировочная сеть. У нас семь машин. За каждой закрепить одну сеть, водители должны отвечать за них. Одна в запасе. Крепить можно к заднему борту. Ящики со снарядами вскрыть, снарядить по десять обойм к каждому оружию. Пять обойм с бронебойными. Пять с осколочными гранатами. В этих ящиках патроны. Сколько патронов для винтовок выдали бойцам?

– По сорок, товарищ лейтенант, – ответил командир первого взвода.

– Выдайте каждому еще по сто. Теперь насчет шанцевого инструмента. За каждым расчетом закрепите по четыре лопаты, топоры и одному лому, не считая тех, что закреплены за каждой машиной.

– Товарищ лейтенант, но они без черенков.

– Будет лес – срежем. Дальше. Наш внештатный повар сверяет доставленное продовольствие – получить у него на каждого бойца трехдневный сухпай. Это все, выполняйте.

Пока бойцы сустились у ящиков и бочек, я подошел к Трофимову, забрал готовую форму и отдал ему командирский френч, на нем все еще не было нарукавных знаков и петлиц. Переодевшись в гимнастерку, я перестал чем-либо отличаться от красноармейцев, только в петлицах были кубари, да кобура на боку и планшет. Собрав и компактно сложив в вещмешок все вещи, что для меня старшина получил на складах, отнес его в кабину пулеметной машины. Эту машину я сделал пока своей штабной.

– Стой, кто идет? – послышалось от ворот, когда я направлялся к дверям хлебопекарни. Мне подумалось, если тут пекут хлеб, то, может быть, получится разжиться большим котлом. Почему нет?

Однако окрик часового меня остановил. Старшим по охране был Андреев, поэтому я дождался, когда он узнает причину, и направился к нему, сообразив, что прибыл делегат связи.

– Товарищ лейтенант, – козырнул молодой сержант, – вам пакет от командира дивизиона капитана Матвеева.

Расписавшись в двух местах, я принял плотный конверт.

– А это кто? – спросил, подбородком указав на женщину лет тридцати в форме старшего сержанта с медицинскими эмблемами.

– Санинструктор, товарищ лейтенант. Товарищ капитан велел отвезти ее к вам. Разрешите идти?

– Идите.

Сержант сел в кабину полуторки, что стояла на улице чуть дальше от ворот, и отъехал.

– Представьтесь, – крутя в руках конверт, велел я женщине.

– Я Евгения Медведева, старшая операционная сестра бывшего армейского госпиталя.

– Что стало с госпиталем?

– Разбомбили, – криво усмехнулась женщина, посмотрев на зенитки. – Тех, кто уцелел, распределили по разным частям. Мне дали медицинскую сумку и направили к вам.

– Ясно. Устраивайтесь в кабине четвертой машины. Через полчаса мы передислоцируемся. По прибытии можете провести осмотр бойцов, хотя они только сегодня надели форму... И еще нужно будет осмотреть мне ноги. Я их немного поранил. Хотя они за последние пять дней немного поджили, но мало ли.

– Хорошо.

Расчеты быстро набили обоймы снарядами, подготовили машины к движению, заправили и распределили по технике оставшиеся не открытыми ящики. Даже пулеметную «тачанку», как я ее окрестил, и то перегрузили. Пока бойцы работали, я изучил боевой приказ,

он был тот же, что мне озвучил капитан Матвеев, только уже в письменной форме. Занять позиции на перекрестке гравийной дороги и не допустить противника как с воздуха, так и с земли. Странно, что еще не написали, что я должен предотвратить подкопы.

– Отъезжаем через двадцать минут. Ровно в шесть вечера, – убрав приказ в планшет и посмотрев на часы, известил я взводных, а пока они еще раз проверили, как все уложено и остались ли места для расчетов. Я вошел внутрь хлебопекарни.

Сразу же в нос ударил приятный аромат свежее испеченного хлеба. Бегали женщины, работая у печи и длинных столов с тестом.

– Здравствуйте, товарищ командир, – поздоровался кто-то со мной из бокового прохода.

– Здравствуйте. Не подскажете, где я могу найти директора?

– А чего меня искать, тут я, – вышла на свет женщина лет тридцати пяти.

– Я хотел извиниться, что занял ваш двор. Мы вас не стеснили?

– Да ничего. Просто мы загружаем машины снаружи. Мы же понимаем, дело военное.

– Ну да. У меня к вам вопрос. Нет ли у вас котла или казана литров на пятьдесят и литров на двадцать?

– Еду готовить? – понятливо улыбнувшись, спросила директриса.

– Да, наша часть только что сформирована, и кухня нам не досталась, вот и приходится крутиться самим.

– На складе что-то есть. Нужно посмотреть. Вы идите пока во двор, а я возьму ключи и выйду. У нас там вход на склад инвентаря.

– Хорошо.

Выйдя во двор, я окликнул повара, красноармейца Мирюхова. Именно он и выбрал подходящие котлы, урча от удовольствия.

– Ой, не надо! – заметив, что я полез в карман, воскликнула директриса. – Они все равно списанные.

– Спасибо большое.

– Удачи вам! – крикнула женщина вслед.

Бойцы уже закрепили котлы в кузове одной из машин, хотя казалось, что места там совсем нет, поэтому, убедившись, что все заняли свои места, я отдал приказ к выдвиганию. Через минуту колонна покинула двор хлебопекарни.

До нужного места мы доехали за пятьдесят минут, хотя по прямой тут километров двенадцать всего – пришлось сделать небольшой крюк по окраинам.

Приказав водителю остановиться на обочине, я открыл дверцу и, встав на подножку, осмотрелся. Не повезло. Перекресток находился в чистом поле, деревья были видны, но в километре от нашей позиции.

Достав из чехла единственный числившийся за батареей бинокль и подкрутив колесико резкости, посмотрел в сторону леса. Колонна техники стояла сзади, не глуша двигателя, поэтому, когда я убрал бинокль и снова сел в машину, тронулась следом без задержки.

Немного проехав, я приказал водителю свернуть на малоезженую полевую дорогу и двигаться в сторону леса.

За пару минут доехав до опушки, мы остановились.

– Стой, кто идет? Восемь! – окликнул меня из зарослей часовой.

«Молодец старшина, вбил премудрость бойцу», – с удовольствием подумал я, открыв дверь кабины.

– Семь! – сегодня был пароль пятнадцать.

Покинув машину, я стал отдавать приказы подбежавшим взводным:

– Загнать технику под деревья, разгрузить лишнее к тем штабелям, что часовой охраняет, и замаскировать. При орудиях оставить один боекомплект. На все про все вам полчаса,

потом оборудован лагерь. Не забыть вырыть противовоздушные щели и сделать несколько шалашей. Палатка у нас только одна, для медика, вот с нее и начните. С восьми до девяти тридцати вечера учеба по освоению техники. В десять отбой. Выполнять. Мирюхов?

– Я, товарищ лейтенант! – откликнулся повар, опуская на землю канистру с водой.

– Чтобы через час ужин был готов. Хлеб должен подвезти старшина с пекарни.

– Есть.

– Индушвили, – повернулся я к командиру «максимов». – Разгрузи машину, оставив один ящик с патронами, и отдыхай до одиннадцати ночи. Потом поступаешь в распоряжение старшины. У вас будет поездка на всю ночь.

– Есть.

С этими пулеметчиками мне повезло. Устроив учебную тревогу во дворе хлебопекарни, я понял, что у меня хоть один расчет, но опытный. Время развертывания у них положенные тридцать секунд.

Отправив к санинструктору двух бойцов, чтобы они поставили палатку с красным крестом и помогли с развертыванием, подошел к штабелю ящиков и бочек, которые охранял часовой. Пулеметов не было, видимо, старшина не нашел необходимого на корпусных складах, или они были уничтожены. Как бы его не пришлось отправлять в Луцк.

После инспекции, убедившись, что работы на батарее продолжаются, отругал взводных, что их бойцы рубили ветви с одного дерева, объяснив, что так они нас демаскируют, с воздуха проплешину хорошо видно, и приказал им брать по одной ветви с дерева. Двое бойцов, найдя подходящие стволы, срубили их на черенки для лопат и сейчас как раз ошкуривали.

Отойдя в сторону и сев на ящик с патронами, я глубоко вздохнул и прикрыл глаза. Правильно говорили те, кто встретил сорок первый у границы. Это очень тяжелый день. А для меня в особенности. Это же надо было так попасть с этими документами! Я никак не предполагал, что действительно стану зенитчиком. Были, конечно, планы пробиться на аэродром и работать по основной специальности борт-стрелка, все-таки там и кухня получше, и девушки. Что я понимаю в командовании батареей? Да только вычитанное из мемуаров и из книг о попанданцах, то есть крохи. Я, конечно, в военторге купил тоненькие брошюры уставов РККА и методичку «Отделение, взвод, рота». Про артиллерию, а уж тем более про зенитные войска, там ничего не было. Надо будет у Сазанова спросить, может, у него что осталось с учебы.

– Товарищ лейтенант? – вывела меня из задумчивости старший сержант Медведева. – Пройдемте в палатку, я посмотрю ваши ноги.

– Хорошо, – устало кивнув, встал, отряхнул штаны и проследовал за санинструктором, цепко наблюдая за происходящим на батарее. В данный момент бойцы отдыхали после маскировки орудий. Пятнадцать минут до начала тренировок у них было. Те бойцы, что «лишние», копали противовоздушные щели под присмотром ефрейтора Смелова.

Пройдя в палатку, я стянул сапоги, невольно поморщившись от запаха. Портянки хоть и свежие, но уже начали пахнуть. К моему удивлению, Медведева сперва помыла мне ноги в тазике, несколько не стесняясь этой работы, и только потом внимательно осмотрела подошвы.

– Босиком ходили, товарищ лейтенант?

– Было такое.

– Заживление идет хорошо, хотя долгая ходьба дает о себе знать. Заживление замедлилось. Сейчас я вам помажу ссадины и ранки мазью. Постарайтесь до вечера не надевать сапоги. Я вам выдам тапочки.

– Тапочки-то у вас откуда?! – изумился я.

– Это мои, из госпиталя. Хотела выкинуть, но видите, пригодились.

После процедур, как только мазь подсохла, я надел тесноватые тапочки и, неся в руках сапоги, вышел из палатки.

Пока шел, приказал одному из бойцов достать мои вещи из кабины «газона» и принести к штабелям, где я устроил КП батареи. Командиры, особенно Сазанов, немного смущались, что я спокойно ходил в красноармейской форме со знаками различия лейтенанта. Да еще без шевронов на рукавах. Пришлось подробно объяснить причину такого моего решения. Ответ их удивил, однако они не противоречили. Раз надо, значит, надо.

Приведя себя в порядок, я тоже устроился на траве, подложив под голову оба сидора. У меня теперь их два, свой да тот, что выдали.

Когда время перевалило за восемь – расчеты уже минут десять учились обращаться с орудиями – послышался надрывный гул моторов. По дороге, что была в километре от нас, шла танковая колонна. Встав, я надел пилотку и, сунув ноги в тапочки, прошел к опушке, где с моим биноклем стоял красноармеец-наблюдатель. Второй, тот, который старшина получил на складе, я отдал Сазанову. Он был заметно слабее.

– Что там? – спросил я.

– Танковая колонна. Плохо видно, но вроде ВТ. Полк идет... О, две полуторки их по обочине обгоняют... к нам свернули.

– Старшина со складов едет, – забрав у наблюдателя бинокль, я убедился в своих предположениях. Вернув оптику бойцу, отошел в сторону, к складу.

Когда машины подъехали, знаками показал, чтобы их загоняли под деревья, не разгружая. Покинувший кабину передовой полуторки старшина подбежал ко мне и, кинув руку к виску, стал докладывать:

– Товарищ лейтенант, согласно вашему приказу машины до предела загружены боеприпасом, топливом и продовольствием.

– Молодцы. Топлива сколько?

– Шесть двухсотлитровых бочек во второй машине. Там же двадцать ящиков со снарядами и шесть с тушенкой.

– Ясно. Значит, так. До одиннадцати отдыхаете, отбой у вас, спите. В одиннадцать ночи едете вот в этот квадрат. Видите, тут лесной массив? – показал я старшине зеленую точку на карте. – До него сорок километров. Там организуете замаскированный склад под охраной трех бойцов. Я позже их сам проинструктирую. Возвращаетесь, отдыхаете, берете пустые бочки из-под топлива, снова на склады и сюда к нам. Следующей ночью делаете еще один рейс к этому складу. Все понятно?

– Да, товарищ лейтенант, только зачем нам организовывать склад так далеко? Странно это.

– Потом поймешь, старшина. Задачу я вам поставил. В охранение возьмете машину Индуашвили. Это пока все. Да, кстати, через десять минут будет ужин, после него вам отбой.

– Есть. Хлеб выгрузить?

– Да, повару отдашь. То, что я просил, привезли?

– В кабине второй машины лежит. Принести?

– Да, положите его вон туда, под дерево. Где два сидора и шинель лежат. Там мой КП. Минут через пять подойдете ко мне. Я приказ на провоз груза оформлю, а то в округе полно комендантских патрулей. И еще проведу беседу, как нужно вести себя с этими патрулями: слух прошел, что немцы, переодевшись в нашу форму, изображают из себя такие посты. Вы не знали?..

После ужина – мой котелок, купленный в Казани, пригодился – я проинспектировал, как тренируются расчеты, и, назначив в охранение взвод Сазанова, пошел спать. Приказав до утра меня не будить.

Меня даже не разбудил шум уезжающих полуторок в двадцать три часа, так крепко я спал, укрывшись шинелью. Сильно укатал меня этот первый день войны, хоть я и не сделал ни одного выстрела.

Больше всего меня удивляло, что я так легко вписался в командиры батареи. Может, это все из-за неразберихи? Так я ее не заметил. Вон, даже во вновь сформированном дивизионе и то порядок. Хотя тут от командиров все зависит.

Утром меня разбудил Сазанов, командир дежурного взвода. Доложив о том, что происшествий на батарее не было, он сообщил, что наблюдателем на дороге замечены беженцы, и это на второстепенной дороге, что же творится на основной?

– ...самолеты бомбили что-то в трех километрах от нас, но что – непонятно, хотя дымит там до сих пор, – продолжал докладывать взводный. – В пять утра вернулся старшина и прошла танковая и артиллерийская части. Сейчас идет пехотный полк, красиво идут, солнце так и блестит на штыках.

– Понятно. Сейчас я раскидаю распорядок на сегодня для батареи, позавтракаем и сходим с Андреевым к перекрестку, будем прикидывать, где разместить боевые позиции. Как основные, так и запасные. Пока свободны.

– Есть.

Сходив в кусты, я тут же вызвал Сазанова и приказал ему силами своего взвода построить туалет, а то уже всю местность вокруг замарали – я забыл, а старшине было не до этого. Побудку для батареи я назначил на шесть утра, так что бойцы уже занимались своими делами. Это только те, кто ездил со старшиной, продолжали спать. У них побудка в девять.

Расписав в боевом журнале распорядок батареи на сегодня, я подозвал обоих взводных и показал им красного воздушного змея, что привез вчера старшина. Честно говоря, не знаю, где он его достал, видимо, у мальчишек на что-то выменял, но ведь достал же!

– Для чего это, товарищ лейтенант? – спросил Андреев.

– Наверное, для связи, подавать знак, – предположил Сазанов.

– Не угадали, товарищи взводные. Вы как учить собираетесь наводчиков сопровождать цели?

– Так это вместо конуса? – догадался Сазанов.

– Правильно. Выгоняете машины на опушку, подберете бойца, который сумеет обращаться с этим змеем. Пусть он поднимет его на километровую высоту, тут вон какая бобина с ниткой, и таскает туда-сюда. Скорость, конечно, мизерная, но хотя бы научиться сопровождать цель. Тут главное, чтобы наводчики смогли взаимодействовать друг с другом. Потом будем змея привязывать к машине.

– Ясно, товарищ лейтенант, – ответил Сазанов, Андреев молча кивнул.

– Значит так, товарищ младший лейтенант. Вы, согласно расписанию, выгоняете батарею на опушку, удаление сто метров. Поднимаете змея и начинаете тренировку учебными снарядами. Нужно определить, кто из расчетов более-менее подготовлен. Все-таки не салаги. А мы с Андреевым пока прогуляемся до перекрестка. Сержант, прихватите бойца с лопатой.

– Есть! – козырнули оба командира.

– Кстати, лейтенант. Если во время учебы появятся немецкие самолеты, хотя бы на километровой высоте, не выше, разрешаю огонь боевыми снарядами. Лучше осколочными, у нас их много. Попасть не попадете, но хоть расчеты узнают, что это такое, да и пороха понюхают. Советую стрелять беглым огнем всей батарее по головному самолету.

– Есть! – уже радостнее козырнул Сазанов.

Когда мы со вторым взводным и сопровождающим нас бойцом вышли на опушку и прямо по целине направились к дороге, метрах в трехстах впереди невысокий красноармеец уже бежал по полю, поднимая змея, а сзади раздался звук запуска двигателей. Остановившись, мы смотрели, как на поле выскочили четыре зенитки и с них посыпались расчеты, откидывая борты и готовя орудия к бою.

– Готово! Готово!.. – слышалось то и дело.

– Курс – сто шесть, высота – четыреста, скорость – десять, одиночная воздушная цель... – командовал Сазанов. Наводчики, шустро крутя штурвалы, сопровождали цель.

– Огонь! – прозвучала команда. Защелкали затворы, заряжающие меняли учебные снаряды, и снова:

– Готово!

– Готово!..

– Курс...

– М-да, учиться еще и учиться, – пробормотал я, наблюдая за тренировкой. Было видно, что расчеты действуют неумело и скованно, не было той хищной грации, что присуща опытным бойцам. – Надо бы того наводчика с орудия Ольнева убрать, не его это. А вон того заряжающего посадить на освободившееся место. Шустер.

– Товарищ лейтенант, на батарее всего восемь человек, которые ранее служили на таких орудиях. Остальные – кто противотанкисты, кто гаубичники. У меня в расчете двое подносчиков так вообще бывшие минометчики.

– Да знаю, – поморщился я. – Я этих восьмерых по двое на расчет определил. Пусть учат расчеты взаимодействовать.

– Время нужно, – вздохнул Андреев, когда мы развернулись и продолжили шагать к дороге.

– Это так, только у нас максимум три-четыре дня, и это еще если не будем стрелять по авиации противника. А ведь чую, что будем. Это сейчас они заняты, наши части штурмуют да аэродромы. Скоро и на дорогах появятся, а то там только одиночки появляются.

– Вы так говорите, как будто все наперед знаете.

Было немного непривычно, что мне выкает тридцатилетний парень, но я сразу, еще когда принял батарею, постарался создать стену между собой и бойцами. У командира в подразделении не может быть друзей, он по определению одиночка, так что общаемся мы строго по уставу. Еще когда я учился в Рязанке, мне вбивал это в голову преподаватель по тактике.

– Скорее, провожу анализ по ситуации на передовой. Могу предположить, как неплохой аналитик, что к тридцатому июня немцы возьмут Ровно. Даже, может быть, раньше на пару дней.

– Да быть такого не может, наша армия самая непобедимая!

– Сержант, я не говорю, что наша армия худшая, я просто предположил. Не будем спорить, подождем до конца июня, если живы, конечно, останемся.

– Подождем, – вздохнул Андреев. Кажется, мой авторитет в его глазах упал на пару баллов.

Подойдя к дороге, я отцепил от пояса каску и водрузил ее на голову, прямо на пилотку, не застегивая ремешок.

– Привыкать пора, – пояснил я удивленному взводному. Подумав, тот последовал моему примеру.

А что? Эта железная хрень весит почти кило. Попробуй потаскай ее целый день. Тут практика нужна. Так почему не начать именно сейчас?

Мимо брели люди, я бы не сказал, что много, но с пару сотен было. Кто вел велосипед, нагруженный скарбом. Кто толкал тачку с тремя маленькими детишками, кто просто брел, неся чемодан. Все они были покрыты толстым слоем пыли. Некоторые бросали на нас угрюмые взгляды.

– Значит так. Взвод Сазанова устанавливаем вот тут, первое орудие у того камня, второе в семидесяти метрах правее и чуть сзади. Нужно будет вырыть капониры для стрельбы прямой наводкой и укрыть их маскировочными сетями. Машины установить так, чтобы кабиной они были в сторону леса, чтобы можно было сразу сняться с позиций и уехать. Землю будем вывозить транспортными машинами.

– Если появятся танки, товарищ лейтенант, то орудия взвода будут стрелять им прямо в лоб, а при отсутствии защиты максимум, что они успеют выпустить – это три-четыре обоймы. Один разрыв рядом с орудием – и амба расчелу. Посечет осколками, – угрюмо сказал Андреев. Мы ожидали, пока боец выроет ямки, отмечая будущие капониры.

– Да, это так. Поэтому взвод Сазанова будет засадным. Твой взвод мы укроем вон там, пошли... – как только мы прошли метров шестьсот, я указал на позиции второго взвода. – Твои орудия тоже будут замаскированы. Техника противника будет идти к тебе бортами, поэтому тебе и играть первую скрипку. После моего сигнала ты открываешь огонь, когда техника попытается прорваться или повернуться к тебе, открыв борта орудиям Сазанова, открывает огонь он.

– Как долго мне стрелять?

– Четыре-пять обойм, больше не надо, и без приказа на полном ходу вылетаете из капониров и гоните к лесу, укрываясь в нем. Сазанов вас прикроет, потом вы прикрываете Сазанова. Дальше формируемся в колонну и уходим на запасные позиции. То есть за лес. Стоять насмерть от нас не требуется, только остановить продвижение на пару часов, подбив как можно больше техники.

– М-да, из зенитчиков переквалифицировались в противотанкистов.

– То ли еще будет, сержант. Давай, зови бойца, пусть метит место под твои будущие капониры. Не забудь о противовоздушных щелях. Жаль, что осколочные у нас слабые, а то еще бы прошлись ими по пехоте.

– Действительно жаль... Гольдберг, ты там закончил?

В это время со стороны Ровно показалась очередная длинная стрелковая «змея» с пушками на конном ходу. Видимо, тут проходила дивизия.

– Полк идет, – пробормотал я. – С двумя батареями.

Именно в это время раздался рев моторов, и над дорогой стремительно появились три «Штуки», заходя на полковую колонну.

– Черт! Ложись! – крикнул я Андрееву и бойцу.

Лежа, мы наблюдали, как все три штурмовика пулеметами прошлись по полку – видимо, бомбы они уже где-то использовали – и ушли на второй заход. И вот, когда ведущий клюнул носом и пошел вниз, открыла огонь моя батарея.

К моему удивлению, они попали, вцепили прямо в нос второго штурмовика, отчего тот, теряя части обшивки и не выходя из пике, врезался в землю. Примерно где-то в конце стрелковой колонны.

Оставшиеся два самолета испуганной стайкой рванули ввысь, высматривая, кто уontraпупил их товарища. Видимо, заметив зенитки, они развернулись и стали отходить в сторону.

– Черт, они же со стороны леса сейчас зайдут, там мертвая зона! – вскочив, я рванул к батарее, на ходу махая бойцам руками, чтобы разъезжались.

Я видел, как Сазанов, заметив меня, махнул рукой. Вот все четыре машины стали медленно разъезжаться, покачиваясь на неровном поле. Именно в это время над ними пронеслись две тени, оглушив ревом моторов и трескотней пулеметов.

Еще на один заход немцы не решились и на бредущем ушли в сторону фронта. Встав, я проводил их взглядом и, отряхнув форму, подобрал каску. В это время от стрелковой колонны к нам на большой скорости подлетела «эмка», принеся с собой пыль. Остановилась она рядом со мной, а я всего метров сто не дошел до батареи.

– Фролов? – удивленно окликнул кто-то через открытую дверь. Присмотревшись, я узнал майора Стрельникова, с которым ехал, пока не попал под бомбежку. Черт, это же только вчера было!

– Здравствуй, товарищ майор.

Высочивший с переднего пассажирского места Стрельников сграбастал меня в объятия:

– Так это твои зенитки сбили немца, что мой полк бомбил?

– Мои. Только командовал не я, а мой взводный – один. У них как раз учеба была, – несколько смущенно ответил я, не собираясь приписывать себе чужие успехи. Из машины также вышли еще несколько командиров, с интересом прислушиваясь к нашей беседе.

– Ты как здесь вообще оказался?

Я быстро рассказал свою историю, отчего майор только удивленно покачал головой.

– А я до полка только поздно вечером добрался. Он у меня тут недалеко летними лагерями стоял. Кстати, познакомься с командованием моего полка. Это батальонный комиссар Верник, а это начальник штаба полка капитан Ветров. А это мой попутчик, лейтенант-зенитчик Виталий Фролов.

– Приятно познакомиться, – пожал я командирам руки.

– Ты, кстати, почему не по форме одет?

– Форма в стирке, – спокойно пояснил я, заколебавшись объяснять причину неуставной формы.

– Да? А петлицы пришить не забыл... Ладно, своих от моего имени сам поблагодаришь. А мы спешим, нам к УРам успеть надо.

– Товарищ майор, совет хотите?

– Почему нет, ты парень толковый.

– Я смотрю, у вас зенитных систем нет. Обороняться от авиации противника нечем.

– Так и есть. Были зенитные «максимы», да мы их в прошлом месяце на окружные склады сдали. Должна была прибыть замена. ДШК вроде.

– Так вот, полк может своими силами отстреляться по самолетам. Представьте себе, батальон дал залп. Ну ладно, четыреста промазало, так ведь сто попало, а пуля у Мосинской винтовки довольно мощная.

– Но как по ним стрелять?

– Сейчас... Боец, ко мне! – окрикнул я своего бойца с лопатой, что под присмотром Андреева продолжал копать метки для будущих капониров и противовоздушных щелей.

– Товарищ майор, разрешите обратиться к товарищу лейтенанту? – подбежав, воскликнул тот.

– Обращайся, – махнул рукой Стрельников.

– Товарищ лейтенант, по вашему приказу красноармеец Гольдберг прибыл.

Обычно в артиллерии служат люди, имеющие рост и силу, так как по-другому тут нельзя. Да, у меня в батарее из всего состава большая часть – этикие ильи муромцы с добрынями Никитичами. Да на одном Ольневе гимнастерка самого большого размера трещала по швам, когда он напрягал мышцы! Поэтому я был немного озадачен, когда в первый раз увидел маленького тщедушного еврея Гольдберга. Но потом выяснил, что он служил в зенитных войсках, набивал ленты для пулеметов и подносил боеприпасы, а перед дембелем стал еще и наводчиком на ДШК.

– Дайте мне вашу винтовку.

Получив эту длинную дуру, я стал показывать, совместно с Гольдбергом, позиции для стрельбы по самолетам. Лежа, с колен, с плеча второго бойца.

– Пару раз учебные тревоги проведете, бойцы усвоят уроки. А там вам будет, чем встретить немецких пилотов.

– Ну, спасибо, лейтенант, – еще раз обнял меня майор.

Мы быстро распрощались, и машина Стрельникова, развернувшись, уехала обратно к полку. Через десять минут колонна двинулась дальше, оставив на обочине несколько убитых и раненых, у которых суетились санитары. Посмотрев в ту сторону, я подумал, что когда старшина поедет, пусть их заберет. Все равно порожняком едет, только десяток канистр повезет для воды да две бочки из-под топлива. Вдохнул и побрел обратно к батарее.

– Потери?

– Нет, товарищ лейтенант, даже нашего бойца со змеем не зацепило. Успели отъехать, спасибо, что приказали. Я бы не догадался.

– Батарею в лес, на место стоянки. Орудия после стрельбы привести в порядок.

– Есть.

– Как только почистите орудия, постройте батарею.

– Есть.

– Это еще не все, пошлите бойцов к самолету, пусть снимут номер с двигателя и заберут документы и личные вещи летчиков, если там все не сгорело, а то дымит еще.

Через полчаса, когда расчеты закончили чистку, я построил батарею и громко сказал:

– Товарищи красноармейцы и командиры! Благодарю вас за боевую службу и сбитого немца! Персонально благодарю от имени командира сто пятого стрелкового полка майора Стрельникова!

– Ур-р-а-а! – крикнули они в ответ. Многие довольно улыбались. Не только сбили, но и благодарность от начальства получили.

– Младший лейтенант Сазанов, шаг вперед, – скомандовал я.

Немного бледный взводный сделал шаг.

– За отличную стрельбу неподготовленными расчетами выношу вам личную благодарность!

– Служу трудовому народу! – рявкнул тот.

– Сегодня же я сообщу о сбитом командованию дивизиона. Старшина Непейборода!

– Я! – сделал шаг вперед старшина.

– Перед тем как отправиться на склады, подойдите ко мне, получите рапорт, завезете его в штаб дивизиона. Также подберите раненых стрелков у обочины дороги, их там около десятка.

– Есть!

Везти рапорт никуда не понадобилось. Когда я заполнил журнал боевых действий батареи, буквально через пять минут – старшина как раз готовился отъезжать – показался незнакомый штабной автобус, который свернул к лесу. Его сопровождала полуторка с зенитным пулеметом в кузове. Разобрать, что это за модификация, я сразу не смог, а потом уже просто не успел.

Я сразу понял, кто это, поэтому незамедлительно отдал приказ старшине выезжать к складам.

Пропустив встречную колонну из трех машин, старшина успел выехать. Автобус, остановившись на опушке, последний раз взвыл на высоких оборотах, потом заглох. Из открывшейся двери вышли не только командир дивизиона, начштаба и комиссар, но и еще какой-то подполковник-артиллерист с орденом Красной Звезды на груди.

– Докладывайте, товарищ лейтенант, как вы немецкий «юнкере» сбили, – велел Матвеев.

Я быстро доложил всю историю и то, что сбит самолет был чисто случайно. Все наводчики целились по головному, второй просто нарвался на встречную случайную очередь. Также я предъявил боевой журнал батареи.

– Вот документы сбитых немцев и шильдик с двигателя. Личного оружия нет. К сожалению, стрелки туда успели первыми. Остальное сгорело, да и мало там что случилось после того, как он в землю врезался.

Изучавший боевой журнал подполковник оторвался от чтения и бросил хмурый взгляд на Матвеева, я это заметил, когда мы с капитаном отошли в сторону.

– Фролов, имей совесть, ты со склада уже вывез пятнадцать боекомплектов для своей батареи. Куда тебе столько?

– По немцам стрелять, товарищ капитан, – честно ответил я.

– Кстати, у тебя в штабелях максимум десять боекомплектов, где остальные?

– Я чуть в стороне организовал небольшой склад, а то мало ли. Попадет бомба или снаряд, останусь без всего. Еще два батареи расстреляла по немецким самолетам при отражении налета на сто пятый стрелковый полк.

– Ты это кому другому скажи. Максимум, что они успели, это выпустить две или три обоймы.

– У меня все в документах отмечено и списано, – тут же открестился я. Хотя Матвеев был прав, батарея даже сотни снарядов не выпустила. Но надо же мне было как-то лишние боеприпасы получить, вот и приходилось идти на фальсификацию расходных документов. Более того, мы еще триста литров горючего израсходовали. Можно было бы больше списать, но уже заметно.

– Ладно, а плащ-палатки, что выбил старшина, мне завсклад звонил, они-то тебе зачем? А ручные гранаты?

– Так нет их! – возмутился я.

– Конечно, нет, все еще месяц назад на окружные склады вывезли, корпусные практически пустые стоят, но зачем наганом у носа завсклада махать? У него, между прочим, сердце большое.

– Знать ничего не знаю, должен выдать – пусть изыскивает резервы, – набычился я.

– Тьфу! – только и сплюнул Матвеев. – Теперь понятно, почему у тебя такой порядок, дотошный ты.

Кроме этого он сообщил, что они инспекцией побывали на других батареях. Так вот, некоторые уже были потрепаны. Где осталось два орудия, где три. Только наша и пятая имели полный штат. Меня даже похвалили, что бойцы имеют бравый вид и одеты строго по форме. То есть имеют при себе винтовки, каски, подсумки, малые пехотные лопаты в чехлах и другое снаряжение строго по уставу. На других батареях некоторые бойцы ходили в одном только белье.

Я не стал говорить, что другие подразделения располагаются на солнцепеке, и чтобы не подхватить тепловой удар, бойцы раздеваются. У нас в лесу же было прохладно.

Поблагодарив личный состав батареи и не забыв про меня, командование уехало. Взяв в руки боевой журнал, я там, где было написано о сбитом, нашел подтверждающую пометку командующего артиллерией города Ровно подполковника Романова с размашистой подписью и небольшой печатью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.